Травля: со взрослыми согласовано. 40 реальных историй школьной травли

Автор:
Светлана Моторина

Травля: со взрослыми согласовано. 40 реальных историй школьной травли

Светлана Владимировна Моторина

RED. Выбор читателей

«Травля: со взрослыми согласовано» самим названием раскрывает ответ на вопрос, кто виноват в создании токсичной, буллерской среды в детском коллективе. Данная книга – не методичка, она не претендует на исследование. Это многоголосие жертв буллинга, буллеров, свидетелей. Это проникновение в души тех, кто пережил детскую травму, годами чувствовал себя ничем, никем, одиноким, отвергнутым, беззащитным, другим. У кого-то осталась рана, она затянулась, она почти не дает о себе знать, благодаря поддержке семьи. Кто-то лечится до сих пор, по прошествии двадцати, тридцати лет. Кто-то не пережил этот страшный опыт, решил просто не быть, нигде. И ушел. Мой сын пережил травлю. В восемь лет он хотел не быть. Нам удалось его спасти. Но многих не удалось, многих никто и не спасал. Я поговорила с теми, кто выжил. В книге содержится сорок реальных историй. Их обязательно нужно прочитать родителям и учителям, чтобы признать, что травля – это проблема, это не игра, это не норма, что за словами наших детей «все нормально» иногда скрывается ад, с которым они живут каждый день, но молчат, просто потому что не доверяют взрослым.

«Книга, голосами героев заставляет задуматься: разве за героизмом, а не за образованием и социализацией, мы отправляем наших детей в школы? Прочитав ее, понимаешь, как просто упустить возникновение буллинга, и как сложно потом с буллингом справиться и пережить его».

Ольга Журавская, Президент АНО БО «Журавлик»

«Чтобы понять, как бороться с травлей, надо знать, как она устроена. В этой книге собраны свидетельства тех, кто был жертвой, и тех, кто сам травил, и тех, кто наблюдал, и тех, кто боролся. Услышать голос каждого из них – первый шаг к тому, чтобы защитить наших детей от травли».

Людмила Петрановская. Семейный психолог.

«Об этом обычно молчат, и уже поэтому такая книга необходима. Абсолютно всем – даже тем, кого травля, казалось бы, не коснулась. Обжигающее, жуткое, насущное чтение».

Антон Долин, кинокритик.

Светлана Моторина

Травля: со взрослыми согласовано. 40 реальных историй школьной травли

Посвящается Ларисе Николаевне Михаленко, настоящему педагогу

Зачем я написала эту книгу

Травля для меня – личная история, хотя сама я умудрилась ее избежать, пока училась в советской школе. Но все шансы быть затравленной у меня имелись. Я была круглой отличницей и домашней девочкой, а с такими данными не стать «звездой» класса невозможно. Наши педагоги, как и в большинстве школ того времени, были авторитарными и совершенно равнодушными к нам, детям, к тому, что нам интересно, любопытно и важно. Немало моих одноклассников стали наркоманами, кто-то попал в тюрьму, некоторых уже нет в живых. Мои школьные годы выпали на девяностые, когда уровень агрессии зашкаливал,

однако десять школьных лет мне как-то удалось прожить без унижений и оскорблений.

Я узнала, что такое травля в благополучные сытые годы, в престижной московской школе, в классе, где у большинства детей были, что называется, непростые родители, а учительница считалась одной из лучших в городе. Я во всех подробностях узнала, что такое школьная травля, потому что в семилетнем возрасте ей подвергся мой сын.

Взрослые часто называли его «маленьким принцем» – за светлые кудряшки и большие глаза, за то, что он романтичный, весь соткан из музыки, живописи, поэзии. В восемь лет у маленького принца пропало желание жить.

Ирония судьбы заключается в том, что уже более десяти лет я занимаюсь детьми. Во всех смыслах этого слова. У меня двое своих детей. И еще тысячи московских деток и маленьких гостей столицы, которые каждый день приходят в «ИнноПарк». Это проект, которым я горжусь не меньше, чем сыном и дочкой. «ИнноПарк» (park-inno.ru) создан по модели международных музеев науки, где дети удовлетворяют свое любопытство, задают любые вопросы, дают волю необузданному процессу познания и творчества. Здесь можно потрогать науку руками, попробовать ее на вкус, выпачкаться, намокнуть, сунуть везде свой нос, подвергнуть сомнению любую теорию и выдвинуть самую сумасшедшую гипотезу, то есть делать все то, что зачастую нельзя дома, а хочется, потому что на самом деле ужасно тянет познавать и учиться. Эти потребности заложены в базовую комплектацию любого ребенка с рождения, однако чаще всего уже годам к восьми они пугливо отваливаются за ненадобностью, вытравленные взрослыми «нет», «неправильно», «нельзя» и другими воспитательными императивами.

В середине двухтысячных я узнала о существовании подобных детских музеев, где все можно трогать, а через тактильное взаимодействие с экспонатами и экспериментами – познавать. Я загорелась идеей создать что-то подобное в России. Захотелось не просто собственный музей науки. Показалось важным донести до тех, кто влияет на образование на самом высшем уровне, необходимость таких научно-познавательных пространств. Как итог, на момент написания книги, кроме собственного бренда «ИнноПарк», нашей дрим-тим удалось открыть около двадцати небольших музеев науки в регионах. Тектоническая плита за двенадцать лет нашей деятельности сдвинулась. В далеком 2009 году, когда мы ходили из одного государственного кабинета в

другой в поисках поддержки, складывалось ощущение, что мы разговариваем на разных языках. «Музей? – смотрели на нас, как на инопланетян. – И в нем все можно трогать? Зачем это? А чем это отличается от парка аттракционов?» Сейчас, в 2021 году, понятием «трогательного» музея никого не удивишь, и музеев науки в стране уже около пятидесяти, как частных, так и ведомственных, созданных в рамках детских технопарков «Кванториумов».

А где же упомянутая ирония судьбы, спросите вы. Как классический сапожник без сапог, я, создавая пространства, в которых главное – это дети и их магический процесс постижения нового, сама с ужасом обнаружила своего ребенка в системе, изначально враждебно настроенной к детской природе. Его травили два года, в нежном возрасте семи и восьми лет.

Тогда я пообещала себе написать эту книгу-многоголосие. Это был мой ответ на слова, которые я постоянно слышала: «ваш ребенок все выдумал», «дети так играют», «это нормально, мы все через такое прошли, просто сейчас модно говорить про травлю», «ребенок сам виноват, пусть изменится», «не нравится у нас – уходите», «учитесь дома, раз вы такие нежные», «школа ничего не может сделать, все идет из семьи». Удивительно: фильму «Чучело» почти сорок лет, а мы до сих пор оправдываем травлю, считаем ее нормой, предпочитаем не замечать.

Рассказ о моем сыне в книге – самый первый, о нем я писала как могла подробно. Мне было важно показать, как с легкой руки учителя жертва травли превращается в фантазера, который придумывает свои страдания, как родители жертвы объявляются агрессорами, как против жертвы и ее семьи выступает большинство родителей. Я описала происходившее в мельчайших деталях, чтобы, столкнувшись с травлей (не дай бог, конечно), вы понимали, чего вам ждать. С того момента, как вы начнете борьбу, ваша жизнь превратится в театр абсурда, все перевернется с ног на голову.

Моя книга – не исследование, не научный труд, даже не подборка рекомендаций. Подобные книги уже написаны специалистами из разных стран: бери и читай. Моя книга – сборник историй о людях, которые пережили травлю, травили сами или жили в невыносимой буллерской среде и каждый день боялись: а вдруг я – следующий? Эти люди уже не страшатся говорить о пережитом стыде, боли, бесконечном чувстве вины и собственной ничтожности. Большинство прошли через многолетнюю терапию, но некоторые впервые рассказали о своем опыте чужому человеку – мне. И каждый отдал мне

частичку своего детского или родительского горя. Я обещала им, что буду обращаться с этой информацией очень деликатно, и прошу вас об этом же. Постарайтесь никого не осуждать – ни тех, кто травил, ни тех, кто говорит, что жертва всегда виновата сама. Все они, все мы – часть единой системы, одной уже не существующей страны, пережившей много горя и ужаса. Здесь привыкли, что правда – в силе, а быть слабым и уязвимым нельзя. У нас один менталитет, одна большая национальная травма.

Еще одна история, которая отозвалась в моем сердце и подтолкнула к созданию этой книги, произошла с Элиной Гаджиевой. Она умерла в апреле 2019 года прямо в школе. Я прочла все, что было написано об этом случае в СМИ, и пообщалась с матерью девочки, но вопросов у меня осталось больше, чем ответов: здесь столько белых пятен, что кажется, виноваты в смерти Элины абсолютно все. Вот почему эту историю я оставила в том виде, в каком она попала ко мне – в виде интервью. Самое страшное, что ни друзья, ни близкие не могут ответить, почему четырнадцатилетний подросток решил сделать такой страшный шаг. И сколько их, детей, ушедших, как Элина, и не рассказавших о том, что с ними происходило. Я решила поговорить об этом с теми, кто выжил.

Книгу я писала в странное время – весной 2020 года, во время глобальной самоизоляции, когда дети не подвергались школьной травле, потому что не ходили в школу. С одной стороны, карантин облегчал мою работу: ни у кого из собеседников даже не возникло мысли об «очной» встрече. Раньше я бы и подумать не могла, что такие личные вещи можно рассказывать посредством видеосвязи, не устанавливая предварительно контакт за чашкой чая. С другой стороны, карантин многое усложнял. Люди были напуганы пандемией, растеряны, и воспоминания о болезненных ситуациях из детства накладывались на свежие переживания. Почти все плакали – даже те, у кого все кончилось хорошо. Я тоже плакала – после каждого интервью.

Сначала издательство разместило мою книгу в электронном формате без редактуры и обложки. Но даже в таком неотшлифованном виде она привлекла много отзывов. В основном люди писали о том, что с ними случилось подобное, поэтому так важно говорить о травле. Многие благодарили. А кто-то ругал. Нисколько не удивившись, я столкнулась с, извините за каламбур, травлей «Травли». Был ряд отзывов, обвиняющих меня в клевете. Истории моих героев назывались нереалистичными, нелогичными, притянутыми за уши в целях сгущения красок школьной жизни наших детей. Помню свою первую реакцию – возмущение. Я была готова к конструктивной критике моего слога, структуры

изложения, но никак не к обвинениям во лжи. Как автор книги, я несу полную ответственность за абсолютную подлинность как минимум своей личной истории, а также за достоверное транслирование историй, поведанных мне другими. Однако, подумав, я поняла, что, во-первых, такие отзывы только подтверждают основные постулаты моей книги. Травлю многие до сих пор не признают, не считают проблемы детей значительными, многие даже видят это явление обязательной составляющей взросления, возмужания, накопления опыта взаимодействия и отражения атак. Во-вторых, многие истории в книге действительно настолько жуткие, что кажутся иррациональными. Читателю хочется читать про непонятное и необъяснимое, но в формате сказки. А когда реальность страшнее сказки, это рождает конспирологические версии про автора, желающего «хайпануть на модной теме», который просто сел и все придумал. Были также обвинения в выставлении нашей страны в нелицеприятном свете и вопросы ко мне, почему я не написала про травлю в Европе. Надо сказать, я пыталась там хоть что-то собрать. Посещая школы и изучая антибуллинговые программы в европейских школах, я искала ахиллесову пяту и ловила в коридорах русскоязычных детей. К своему родительскому счастью и писательской печали я слышала от этих детей, что главное, что им больше нравится в школе после переезда из России, – это именно климат, и то, как решаются конфликты. Я, наверное, могла бы копнуть глубже и поискать, но мне неинтересно про Европу. Мне интересно про мою родину и постсоветское пространство, с которым у нас до сих пор много общего. Мне хочется здесь кричать о проблеме травли, потому что здесь живут и учатся мои дети. Поэтому мои герои, даже если уже эмигрировали, все учились в советской / российской школе либо в школе соседних с нами стран – бывших социалистических республик.

Зачем я взялась за это? Сначала мне просто хотелось разобраться в «механизмах»: как запускается травля, как она охватывает детский коллектив, что чувствует жертва, как ведут себя окружающие, какой след оставляет буллинг в детской душе. Первым делом я собрала истории из «ближнего круга», а потом написала пост о книге в социальных сетях, и читатели принялись рассказывать о себе. Некоторые писали, по-видимому, желая хоть с кем-то поделиться болью, однако так и не решились дать интервью, сделать свои истории частью книги. Но многие пошли на это. И чем больше людей обращались ко мне, тем лучше я понимала, что уже во всем разобралась – ведь все истории похожи, а выводы очевидны. Но я уже не могла остановиться. Мне казалось, что я возвожу памятник неуслышанным детским слезам, невысказанным чувствам. Мне не хотелось никого пропустить. И даже если вам покажется, что в историях много одинакового, прочитайте их все. Думаю, это и есть миссия моей книги:

показать, как буллинг начинается с попустительства авторитарного или равнодушного взрослого, и рассказать без сложных психологических терминов о том, что такое травля и как ее можно остановить.

Вы можете подписаться на меня в социальных сетях, где я много пишу о травле:

Страница в Facebook

Канал в Яндекс.Дзен

Итак, моя книга – не пособие. Тем не менее какие-то советы я буду давать. И первый из них – о том, как читать эту книгу.

Советы

Как читать эту книгу?

Литературоведы объясняют гениальность «Евгения Онегина» тем, что его можно читать с любой страницы и в любом объеме. Сравнение дерзкое, но как раз в этом моя книга похожа на «Онегина»: открывайте ее с начала, с середины или с конца, пропускайте главы, читайте только истории или только советы. Возможно, вас заинтересуют только те случаи, где дети справлялись с травлей вместе с родителями, или те, где ребенку приходилось оставаться с травлей один на один, а дома его не поддерживали или тоже травили. Конечно, мне, как автору, очень хочется, чтобы были услышаны все истории, но я понимаю, что морально это довольно тяжело: в конце концов, вы держите в руках не приключенческий роман с захватывающим сюжетом. Выход – читайте постепенно, в своем темпе.

Глава 1.

Как травля убивает желание жить

История Ярослава, 2016–2018 годы (7–8 лет), г. Москва

Рассказано мной. Имена сотрудников школы изменены, наши с сыном – сохранены

Как это ни странно, нашу с сыном историю я написала последней, хотя в книге она на первом месте. Очень тяжело было вспоминать подробности, слезы, отчаяние. Благо, я многое записала сразу, как только все закончилось: была уверена что пригодится. Именно поэтому я так благодарна моим собеседникам, тем, кто поделился своими историями: все признавались, что это нелегко, особенно – описывать детали.

До того как я начала писать книгу, мне казалось, что нашу с сыном историю надо занести в учебники по политтехнологиям. Она – ответ всем думающим людям, которые живут в не самых свободных условиях, смотрят на происходящее и вопрошают: «Как возможно, чтобы большинство все это поддерживало?» После общения с десятками людей я поняла, что наша история травли мало чем отличается от остальных. Все они случились, потому что травлю поддержало большинство, а виноватой выставили жертву. Правда, завершение у историй разное: одни закончились печально, оборвались вместе с жизнью пострадавшего, у других – открытый конец, где жертва даже в сорок лет, даже с успешной карьерой страдает от низкой самооценки и недоверия к миру. А кому-то детская травля оставила глубокие шрамы, но при этом показала: родители всегда будут на твоей стороне и верить нужно им и себе, а не улюлюкающей толпе, готовой тебя уничтожить. Очень надеюсь, что именно так закончилась и наша с сыном история.

Ярослав поступил в первый класс очень крутой московской школы, а точнее – в младшую школу крупного образовательного центра. Это важная деталь, потому что дальше среди действующих лиц будут фигурировать и директор

младшей школы, и директор всего центра.

Я рвалась отдать ребенка в эту школу. Муж был более спокоен, говорил: «Мы с тобой окончили самую обыкновенную школу (мы одноклассники), но ничего, как-то нашли себя в жизни». Но мы приехали в Москву из Ульяновска, и я считала, что участь всех переехавших провинциалов – работать день и ночь, таким образом «найти себя» и стать успешными. А если ребенок родился в Москве в достатке и благополучии, то у него нет множества проблем, справившись с которыми он мог бы почувствовать себя победителем. Поэтому надо идти к успеху другим путем: сразу попасть в «правильное» общество – то есть в престижную школу. Ведь там дадут качественную «базу», и тогда будет проще попасть в хорошую среднюю школу, рассчитывала я. Также я была уверена, что нас ждет психологически здоровая атмосфера, где дети не дерутся и не курят за забором. Я ошиблась по всем пунктам. Когда все кончилось и мы перевели Ярослава в другой класс, оказалось, что подготовлен он довольно слабо (хотя до этого считался одним из лучших учеников), и мы с мужем два месяца подтягивали сына по всем базовым предметам. Что касается драк, то сильно Ярослава не били. Но морально – изуродовали.

О том, что в заветную школу мы все-таки попадаем, мы узнали уже в августе, когда почти потеряли надежду. Сына определили в класс, который был сформирован из таких же, попавших в «последний вагон». Вопрос о том, чтобы познакомиться с учителями и выбрать того, кто больше понравится, не стоял. Однако сразу после зачисления до нас дошел слух, что нам повезло: нашему классу достался лучший в младшей школе учитель (назовем ее Марьиванна). О ее достижениях писали в родительском чате и рассказывали мамы с папами, которые привели в школу уже младших своих детей. В конце концов, о достоинствах Марьиванны можно было догадаться хотя бы по тому, как нежно общались с ней директор и завуч младшей школы. Ура, радовались мы: лучший учитель очень хорошей школы. О чем еще мечтать!?

И все же я решила, что нужен личный контакт, поэтому в конце августа сходила к Марьиванне познакомиться, рассказать о сыне и сообщить, что я всегда на связи и готова вместе с ней решать любые вопросы. После встречи остался осадок: я не увидела того, чего хотелось, – энтузиазма, горящих глаз, желания со мной контактировать. Учительница как учительница, в возрасте. Выглядела она для начала учебного года слишком усталой, но, пожалуй, это была общая усталость от профессии. Марьиванна совсем не смотрела мне в глаза, все больше на свои руки. Она пыталась быть доброжелательной, но получалось

у нее не слишком хорошо. Резануло высказывание: «Хорошо, что у вас мальчик, а то девочки пошли ух какие. Да и мамы тоже слишком борзые. Вся эта эмансипация до хорошего не доведет. Все-таки девочки должны оставаться девочками, а мальчики – мальчиками». Ладно, подумала я, в любом случае в ближайшие четыре года, до наступления пубертата, вопрос ориентации в нашей семье не возникнет, а с этими «скрепами» вполне можно ужиться, если в школе все будет хорошо.

Дальше все было так. Сын к школе относился ровно, делал что нужно, хотя часто жаловался на скуку и однотипные занятия. Зато очень полюбил учителя и сокамерн… пардон, одноклассников. Довольно скоро прозвучали первые «звоночки», которые заставили меня задуматься: действительно ли мой сын оказался в нужном месте?

Сначала, 5 сентября, у меня произошел следующий диалог с ребенком:

– Мама, нас учат, что, когда педагог заходит в класс, она говорит: «Здравствуйте, дети».

– А вы, наверно, в ответ хором: «Здравствуйте, Марьиванна»?

– Нет, а мы не хором, мы должны кивать головкой.

– Эм-м-м, а если вдруг вырвется?

– Нет, надо головкой.

– А почему?

– Не знаю, может, говорить – это слишком шумно?

Ладно, ерунда, решила я. Может, на самом деле шумно? Может, для ежедневного волшебства лучшему учителю самой хорошей школы нужна полная сосредоточенность?

Затем, в конце сентября, в классном чате с характерным названием «Ёшкины болтушки» пошли жалобы родителей на то, что опоздавших детей ставят

к доске и требуют объяснений. Родители возмущались: это же лучшая школа, мы все едем туда издалека, дети опаздывают из-за нас, а у нас пробки, ночные совещания, «Игра престолов», наконец. Зачем так мучить первоклашек? Тут же в чате появилась оппоненты: «Не нравится – уходите. Это вам не пансион благородных девиц. Дисциплина должна быть, нечего опаздывать. В других классах вообще за дверь выставляют».

Переписка меня взволновала, «Ёшкины болтушки» выбились в рекордсмены по количеству моих просмотров. И вот в одно октябрьское утро и нашего сына, впервые в жизни опоздавшего на четыре минуты, поставили к доске. Переживал он тяжко. Наверное, экзекуция у доски для него приравнивалась к позору быть исключенным из октябрят в мое время. Ребенок начал ставить будильник на 5 утра и вскакивать посреди ночи – лишь бы не опоздать.

Так не пойдет, решила я. Пообщалась с родителями: что делать? Быстро выяснилось, что ничего существенного сделать нельзя, только возмущаться в чате. Тогда я пошла к Марьиванне одна: «Нельзя ли с нашим сыном по-другому? Он очень ответственный, чувствительный. Да и не он виноват в опоздании, оно случилось из-за нас, родителей, мы же его возим. Вы ругайте меня, а Ярославу зачем перед классом краснеть?» Марьиванна сделала неприятное лицо «лезут-тут-всякие», но выдавила из себя, что да, ребенок более воспитан и чувствителен, чем другие, да и опоздал всего раз, пожалуй, с ним так не стоит. Инцидент был исчерпан.

Еще какое-то время мы не знали проблем – пока в нашей жизни не появился мальчик, назовем его Вовочка. Он пару раз стал темой «Ёшкиных» обсуждений после того, как ударил девочку по лицу и попытался спустить с лестницы одноклассника. От Ярослава я узнала, что Вовочка действительно «герой» класса и житья от него нет. Мы решили было, что это обычный хулиган, какие есть в любом классе, но Вовочка стал причиной почти ежедневных неприятностей нашего сына: то пристанет, то стукнет, то сломает конструкцию из «Лего». Ярослав сдачи ему не давал, ведь Марьиванна сказала, что Вовочка особенный и трогать его нельзя. Не критично, решили мы и прочитали сыну лекцию о том, что действительно бывают особые дети и что толерантность – наше все.

В апреле проблема стала серьезной: конфликты Ярослава с Вовочкой стали происходить очень часто и остро. Сын рассказывал о них неохотно, но со слезами. Отмахивался: не обращайте внимания. Но мы сложили для себя

приблизительную картину. В то же время несколько мам написали мне личные сообщения следующего содержания: «В курсе ли вы, что вашего ребенка каждый день третируют? Не видите ли вы в этом проблемы? Дети дома рассказывают, что издевательства над Ярославом сродни тюремным. Защищать его они не смеют, так как боятся хулигана, плюс Марьиванна не разрешает Вовочку трогать». Одна из мам призналась, что у ее сына тоже были проблемы с Вовочкой полгода назад, потом все закончилось само собой. Другая мама сообщила, что одновременно с нашим ребенком Вовочка третирует и ее дочь. Всплыли совсем жуткие истории с прижиманием к полу и требованием снять трусы (детям по семь лет!). Все отмечали, что Вовочка тиранит детей в отсутствие учителя, в основном в гардеробе в конце учебного дня.

Мы с мужем отправились к Марьиванне и услышали от нее, что Вовочка действительно проблемный и вся его семья тоже проблемная, хотя мама вполне адекватна. Только на нее ни в коем случае нельзя выходить. Вовочка наблюдается у психологов и неврологов, со 2 сентября по нему регулярно собирается педкомитет, и вроде бы даже есть улучшения. По версии Марьиванны, проблемы были и у девочки со злополучными трусами, «потому что она провокатор и манипулятор (как все девочки)», а наш сын постоянно ее пытается от Вовочки защищать. И если бы не защищал, то и драк бы не было. А раз жалобы на Вовочку пишут и другие родители, значит, это уже вопрос администрации, нужно идти к директору младшей школы (назовем ее Роза Марковна).

На встрече с нами Роза Марковна сделала вид, что про Вовочку ничего не знает (а как же педкомитет?). Об упомянутой девочке тут же отозвалась как о провокаторе и манипуляторе (странно, про нее знает так подробно и вторит словам Марьиванны, а про Вовочку не слышала). Нас директор внимательно выслушала, законспектировала самое важное и обещала разобраться. Настойчиво выпытывала имена тех, кто со мной связывался. Не получив имен, попросила передать этим родителям, что открыта к разговору. Но умоляла не выносить проблему на весь класс и не приводить толпу.

Я рассказала об этом писавшим мне мамам, а те организовали подобие совещания, пригласив туда других родителей – и потерпевших, и сочувствующих им. Собрались мы в парке недалеко от школьного двора. Оказалось, что у всех с Вовочкой были связаны неприятные истории, однако идти к директору поодиночке никто не захотел, а толпой было нельзя – меня же попросили. Я тогда очень уважительно относилась к школьной администрации и слово свое

держала.

Решили составить письмо. Я подписала, честно говоря, в первую очередь из-за категоричного отношения Марьиванны и Розы Марковны к «девочке-провокатору». Мне было очевидно, что те, кто принимает решения, просто зацепятся за эту версию, сделают девочку изгоем, а проблему так и не решат. В тот момент я даже подумать не могла, что изгоем в итоге станет мой сын. Письмо получилось довольно конструктивным, мы перечислили все случаи агрессии, ни словом не обмолвились про учителя (понимаем: она старается), просили обеспечить безопасность детей и нормализовать атмосферу в классе, перечислили варианты решения проблемы – от тьютора для Вовочки до мини-тренингов с детьми. Требований отчислить хулигана из класса в письме не было. Тех, кто настаивал, общими усилиями убедили, что это незаконно и нетолерантно (как я теперь не люблю это слово!). Письмо директору отнес мой муж – видимо, именно поэтому нас впоследствии посчитали зачинщиками бунта.

Дальше в течение двух недель Роза Марковна вызывала к себе по одному всех, кто подписал письмо. С каждым разговор складывался по-разному. Одним директор признавалась, что у мальчика есть диагноз, но… Другим, активно настроенным, говорила, что, конечно, ребенок проблемный, но учитель делает все, что может. Для пущей убедительности прямо с урока срывали Марьиванну и подключали ее к беседе, а та с каждым следующим родителем все больше нервничала, но при директоре говорила, что все под контролем, что ей не трудно. Некоторым же родителям сразу, в первые минуты встречи, показывали список детей из некой группы риска, требующей особого внимания учителя. В этом списке прямо под Вовочкой неожиданно оказывалась фамилия их ребенка. Такой тонкий шантаж. Эти разные встречи были похожи в одном: мы с мужем объявлялись персонами нон-грата, общаться с нами настоятельно не рекомендовалось.

Между тем Вовочку забрали из группы продленного дня, а на основные уроки стали приводить нерегулярно. Так, в мае он был в школе всего пять дней. В первый он набросился на нашего сына и с громким матом попытался повалить его на пол. Прибежала Марьиванна, отругала Вовочку. Во второй день Вовочка бил Ярослава по лицу, а когда тот пытался кричать, затыкал ему рот. Марьиванна снова разняла детей.

Само собой, после каждого случая, узнав об инциденте от Ярослава, мы шли к учителю выяснять ее версию произошедшего. Марьиванна ничего не отрицала,

хотя постоянно повторяла, что Вовочка где-то внутри очень добрый, что все будет хорошо, что она усилит контроль. Затем она вздыхала, что ужасно устала от этой ситуации: «А вы думаете, легко возиться с одним ребенком весь год?» Надо сказать, с 1 сентября у Вовочки было организовано в классе отдельное место при Марьиванне, на переменах она находилась рядом с ним. Учительница также призналась, что Вовочку ей дали на поруки, потому что у нее есть «диплом тьютора». Важно отметить, что во время наших встреч Марьиванна ни разу не попросила нас больше не звонить и не писать. Да и странно бы это прозвучало: у учительницы в классе явная проблема, связанная с нашим ребенком, она ее признает. Как же она избежит общения с нами? Несмотря на протесты Марьиванны, мы попытались поговорить с мамой Вовочки и услышали: это-все-ваши-фантазии-мой-ребенок-ничего-подобного-не-делает. В разговоре она упомянула, однако, что ей весь год звонят родители детей из класса, вызывают к учителю, а какие-то папы даже караулили Вовочку, чтобы отчитать (ребенка жаль, однако это ли не доказательство того, что наш сын не фантазировал?).

Как бы то ни было, в итоге наступили три счастливых дня, когда Вовочка нашего ребенка не трогал: Марьиванна постоянно была рядом, контроль действительно усилился. Мы облегченно вздохнули, успокоились и стали ждать лета: за время каникул могут произойти перемены, и в сентябре Вовочка направит свою агрессию в другое русло. А если нет, то мы успели убедиться, что учительский контроль работает.

А где же травля, которую поддержало большинство родителей, спросите вы. Она началась чуть позже, когда нам казалось, что все плохое позади.

По правилам, мы должны получить от администрации школы официальный ответ на свое письмо. И вот тут стали разворачиваться невероятные события, причины которых для нас остались тайной: то ли это был способ не давать ответа и заставить нас отозвать письмо, то ли произошел срыв у учительницы, которая оказалась между двух огней – и Вовочку тянуть надо, и возмущенные родители безопасности для своих детей требуют. В общем, вскоре мы очутились в романе Кафки.

За неделю перед летними каникулами отменили обещанное совещание по итогам года. Причины были очевидны: администрация школы боялась, что мы при всех начнем обсуждать ситуацию с Вовочкой. Лично я и Марьиванне, и Розе Марковне говорила: это неэтично, нам нужно локальное решение. Уверена, что

все подписавшие письмо родители были того же мнения. За пару дней до каникул выяснилось, что другая часть родителей – те, кто не участвовали в составлении письма, – пишут свое обращение к администрации школы. У этой группировки (назовем ее «Второе письмо») тут же появилась лидер, которая начала обзванивать всех членов группировки «Первое письмо» и истерично обвинять их в том, что Марьиванна находится на грани нервного срыва и собирается увольняться.

Я не стала ждать звонка и сама вышла на защитницу угнетенного педагога. Я уже знала, что второе письмо представляет собой благодарность Марьиванне, и сказала, что хочу подписать его. В ответ на меня вылили ушат помоев. Я услышала, что подписывать письмо я не имею права, так как я – одна из главных мучителей Марьиванны, ведь я звоню и пишу ей каждый день! Я узнала, что учитель с нашей семьей разговаривать больше не будет и вообще не хочет с нами иметь дела, потому что мы ее терроризируем, лезем в учебный процесс и учим жизни. Из-за этого Марьиванна не может работать с другими детьми. Далее шла череда нотаций о том, как нам следует работать со своим ребенком и вообще хоть иногда с ним общаться. Нам с мужем посоветовали сводить Ярослава к психологам, так как весь класс теперь все знает о нашем сыне: у него нет друзей, он не способен налаживать контакты и занимает позицию жертвы. Завершился этот экспрессивный монолог высказываниями о нашем «недоделанном ребенке и его никудышных карьеристах-родителях».

Как же так получилось? Подробности я узнала от сочувствовавших мне родителей. Оказалось, что Марьиванна устроила для избранных родителей «тайную вечерю», посетовала им на свои мучения и объявила о своем уходе (правда, заявления об увольнении подавать не стала). Во всех проблемах учительница обвинила нас с мужем и еще одну маму, которая упрямо не соглашалась с методами, применяемыми к ее ребенку. Эту женщину зовут Оксана, и ее история есть в моей книге. На той же встрече Марьиванна дала крайне неблагоприятную характеристику Ярославу – якобы на основании выводов психолога (хотя еще за неделю до того события она называла Ярослава неординарным общительным мальчиком: вот бы весь класс состоял из таких прекрасных детей!). В общем, Марьиванна отомстила нам за все сразу.

Опечаленные родители пошли к Розе Марковне. Та отчиталась перед ними, что провела беседы с некоторыми родителями. И выяснила: проблемы в классе есть лишь у одного ребенка – Ярослава. А значит, виноват во всех проблемах он сам и его нервные родители. И кроме того, в классе есть дети-провокаторы, которых

вообще не стоит брать в расчет. Так родилась идея письма-поддержки преждевременно увольняющегося учителя.

Это второе письмо я все же подписала, хотя у меня его вырывали из рук чуть ли не силой. После этого защитница угнетенных педагогов два дня звонила мне, чтобы пафосно спросить: зачем я подписала письмо, если я такая ……, и вообще не пойти ли нам в частную школу, раз в этой все так не нравится? Затем пошла грызня в чате, во время которой было совершенно бессмысленно восстанавливать хронологию событий и напоминать, что мы не требовали выгонять из школы особенного мальчика и не третировали учителя, а всего лишь три раза пообщались. Нас с мужем не слышали: к тому моменту родители всего класса были должным образом настроены. Из десяти человек, подписавших первое письмо, только четверо остались при своем мнении. Остальные, видимо, не выдержали нажима и побежали к учителю каяться в том, что я ввела их в заблуждение и силой ораторского искусства убедила подписать. Напомню, что идея собраться у школьного двора и составить первое письмо мне не принадлежала. Во всей этой истории моей единственной ошибкой было участие в дискуссиях «Ёшкиного» чата (если матерную перепалку можно назвать дискуссией). Родителям, оставшимся в меньшинстве, никогда нельзя реагировать на нападки в чате: разговор должен идти либо при личной встрече, либо никак.

Так ситуация, в которой изначально участвовали несколько родителей, благодаря директору и манипуляции учителя переросла в конфликт с острыми обсуждениями, в котором участвовал уже весь класс. Он раскололся на враждебные группы. Четыре человека были убеждены, что в первом письме ничего страшного не было. Тем более что в итоге Роза Марковна написала-таки ответ, в котором проблемы не отрицались: она сообщала, что абьюзер получает медикаментозное лечение, что с ним занимается психолог, что с его родителями дополнительно поработали. Из продленки ребенка убрали – в общем, отреагировали. Однако это уже никого из родителей не интересовало: они видели проблему в другом. 22 разъяренных человека орали до хрипоты: «Забирайте своих детей на домашнее обучение!», «Наш тоже с Вовочкой дрался, а теперь – нет!», «Решайте конфликты локально!» (а мы так и хотели, учитель сама направила нас к администрации), «Нечего высовываться, всех все устраивает!», «Это вас в ваших Америках научили?», «Уйдет Марьиванна – дадут училку хуже!», «Ату их, ату!!!». Никого, НИКОГО из 22 настроенных против нашей семьи человек не возмутил тот факт, что Марьиванна образовала коалицию по борьбе с теми, кто посмел иметь свое мнение. При этом директор школы была не в курсе ее планов увольнения – то есть это была несомненная

манипуляция. И вранье про террор, устроенный нами. Ну и главное, факт обсуждения чужих детей и их родителей. На это тоже звучали советы в духе: не-нравится-валите-в свои-заграницы и отстаньте-от-несчастной-учительницы.

Я посчитала: в нашем классе учились 26 человек, 22 – это 85% из них. Осталось еще одного родителя припугнуть «группой риска», и будет 86%, которых все устраивает. А остальные могут валить! Интересная параллель: в тот момент как раз 86% населения нашей страны тоже были всем довольны. Я поняла: что-то доказывать бесполезно, однако отправила директору младшего блока электронное письмо. Я писала, что ситуация, где все перевернули с ног на голову и многое переврали, меня не устраивает. В первую очередь потому, что все эти недовольные 22 родителя теперь настроят своих детей против Ярослава. И если в первом классе мы страдали от одного абьюзера, то во втором можем получить уже коллективную травлю. Я просила о встрече втроем с директором и учителем, так как после рыданий на груди у лояльных родителей Марьиванна очень много всем рассказала о нас, но ни разу не пообщалась с нами. Ответа не последовало. Тогда муж пошел поговорить по-мужски с директором всего образовательного центра. Тот долго слушать не стал, признался, что младший блок представляет собой серпентарий и он им занимается мало, потому что рейтинги школе делают средние и старшие классы. Но дал слово, что разберется и с сентября наш сын будет себя чувствовать комфортно.

В июле, во время каникул, мы попали на день рождения одного из тех немногих мальчиков, кто еще дружил с Ярославом. Там был и Вовочка. Во время чаепития он делал из бумажек и фантиков комочки, склеивал их слюной и через весь стол кидал в Ярослава. Подбежала мама именинника, сделала замечание. Стоило ей отойти, как бумажки полетели снова. Тогда к Вовочке подсела его собственная мама, пунцовая, надеюсь, от стыда. Мы пробыли еще минут пять для приличия и ушли.

Наступил сентябрь, а обещанного комфорта мы не чувствовали. Как я и предполагала, травля стала коллективной. Вокруг особенного мальчика, который, кстати, по словам директора, в интеллектуальном плане был совершенно нормальным и имел проблемы только поведенческого характера, собралась группа хулиганов. Они не были плохими: обычные ребята, которые играют в футбол, ходят на борьбу, могут выкинуть матерное словечко. Как большинство обычных мальчиков, особенно в нашей российской ментальности, они с самого детства стремятся показать себя «мужиками». Ярослав –

с кудряшками и огромными голубыми глазами, тонкий и высокий, очень далекий от драк и способный поддержать беседу только о Моцарте, Мунке и своей фантазийной стране Игрушляндии – этим мальчикам не нравился. Моего сына всегда любили взрослые, называли его «Маленьким принцем», как я написала в начале. А среди спортивных агрессивных детей он с трудом находил себе место. Его каждый день называли «девочкой», постоянно шпыняли и смеялись над любым сказанным им словом. Он всегда приходил в школу за сорок минут до начала уроков, и если в это время в классе был кто-то из мальчиков, для Ярослава начинался ад. Он с восьми утра ждал, когда же кончится день. Из всех мальчиков класса только трое его не трогали и поддерживали с ним хорошие отношения.

В конце ноября Ярослав признался, что в школе ему стало невыносимо. Он сказал так: «Если тюрьма – это место, где тебя держат силком и из которого хочется вырваться, значит, школа – тюрьма». Папа учил его драться, давать сдачи. Теоретически Ярослав мог бы это делать, он сильный: в тот период наш мальчик занимался теннисом и конным спортом, справлялся со здоровенным конем. Но вступить в борьбу с человеком для него было немыслимо. Он походил какое-то время на борьбу, но вскоре тренер посоветовал нам забрать сына: Ярослав прекрасно выполнял все спортивные нормативы, но как только дело доходило до спарринга, он замирал. В нем совершенно не было природной злости. Тогда мы стали учить его давать обидчикам словесный отпор, говорили, что своим страхом он еще больше провоцирует ребят на травлю. Все зря: у нас был слишком серьезный конкурент, Марьиванна. Ярослав как мантру повторял: «А Марьиванна говорит, что нельзя давать сдачи. Она говорит, что, если меня кто-то обижает, я должен просто уходить или звать ее». Но почти все нападки на сына происходили за ее спиной или в ее отсутствие: не дозовешься. Мы пытались донести до Ярослава: то, что с ним происходит, недопустимо, это травля. Он нас не слышал, верил только учительнице, которая твердила, что все нормально, дети так играют. Еще она говорила: «Ярослав, зачем ты защищаешь девочек? У них свои проблемы, у тебя свои. Пусть они сами разбираются, а ты отойди в сторону».

Мы показали сыну фильм «Чучело». Когда он кончился, Ярослав еще долго сидел молча и плакал. Потом выдавил: «Очень похоже на наш класс. А я-то как раз Чучело и есть».

На следующий день мы с мужем сидели в кабинете директора младшей школы и просили перевести сына в другой класс. Я была беременна, оставалось две

недели до родов, видимо, поэтому Роза Марковна была с нами тактична. Сказала, что перевод невозможен, мест нет. Как и раньше, обещала во всем разобраться. Отметила, что и мы со своей стороны подливаем масла в огонь: слишком остро относимся к школе, допрашиваем ребенка каждый день, вот он и воспринимает детские игры не совсем адекватно. А учительница у нас замечательная: вон как в прошлом году ее большинство поддержало!

Марьиванна, надо сказать, с нами весь второй класс не общалась. Нашим «связным» стала моя мама – она до пенсии работала в школе и теперь пыталась найти контакт с, так сказать, коллегой. Мама осторожно рассказывала Марьиванне о состоянии Ярослава и просила помощи. Учительница в ответ твердила, что все преувеличено, дети играют, а она вряд ли поможет, ведь воспитание идет из дома. При каждой встрече она повторяла, какие мы с мужем ужасные (хотя что может быть глупее: говорить матери о никудышности ее дочери и зятя!). Но что сама Марьиванна делала в моменты травли? Нет, она ее не подогревала. Но она ее допускала – либо своим отсутствием, либо склоненной над тетрадями головой. Когда все уже просто бросалось в глаза, она бежала к месту конфликта с криком: «Не трогайте Ярослава. Оставьте его в покое!» – тем самым еще больше выделяя тот факт, что травля есть и ребенок нуждается в защите. Никто не проводил работы по сплочению коллектива, никто не объяснял классу, что подобные вещи недопустимы.

Обещания директора выполнены не были, ситуация ухудшалась. Ярослав стал очень нервным, появились тики. Весь второй класс наш мальчик болел: неделю учился, две сидел дома – так протестовал его организм. Весной к травле присоединились все девочки класса. И та, которую Ярослав защищал, и та, чья мама Оксана была самым верным моим союзником. Не стоит обвинять этих детей: все откликнулись на зов: «Ату его!» Они называли Ярослава придурком, странным, а когда мамы спрашивали – почему, объяснений не находилось. Просто так считали все.

В мае произошли события, которые переполнили чашу нашего терпения. Однажды Ярослав пришел из школы в слезах. Рассказал, что над ним снова издевались: заталкивали в женский туалет; ну, к этому он уже был почти привычен. А потом позвали к дереву, сказали, что там есть цветок, его надо понюхать. Наш маленький принц пошел и понюхал. Это были птичьи экскременты. Услышав это, моя мама позвонила Марьиванне. Та устало сообщила, что ничего сделать не может. Однако на следующий день она провела в классе разбор ситуации, после чего объявила, что дети так играли,

а Ярославу все показалось. Сын так и сказал: «Мама, мне все объяснили. Оказывается, я неправильно понял. Это они так играли. И еще учительница меня отругала за то, что я все дома рассказал, расстроил маму и бабушку». Мой ребенок чувствовал себя кругом виноватым: и понял все не так, да еще и разволновал родных.

Тут я не выдержала и закричала, что это вранье, которому нельзя верить. Он никого не расстроил, это они нас всех расстроили. И рассказывать надо, и это никакая не игра. Он слушал, а потом произнес: «Лучше бы меня вообще не было. Все проблемы из-за меня».

Эти слова прозвучали как набат. Муж пошел к директору центра, потребовал перевода в другой класс. Место тут же нашлось. Как мы позже выяснили, перевод в ситуациях буллинга не приветствуется, так как это минус учителю, а значит, минус рейтинговой школе.

На следующий день я пошла знакомиться с новой учительницей и оказалась первой, кто сообщил ей о переводе. Роза Марковна настолько не верила в возможность перевода, что даже после решения руководства ничего ей не сказала. Учительница смотрела на меня огромными от испуга глазами: наша фамилия была на слуху, о нашем терроре и мучениях Марьиванны в школе ходили легенды. Я понимаю этого педагога: она была уверена, что через месяц учебы мы начнем писать кляузы, скандалить и настраивать против нее родителей. С трудом я уговорила ее посмотреть на Ярослава и вскоре привела сына.

Он страшно боялся, категорически не хотел никуда переходить и был уверен, что в новом классе начнется то же самое. Вторая учительница перекинулась с моим сыном парой слов, а когда он вышел, сочувственно сказала мне: «Боже, какой травмированный ребенок. Конечно, я его возьму, его спасать надо».

У нас началась новая жизнь. Летом мы отправили Ярослава в лагерь в Америку, где он оказался единственным иностранцем из 400 человек. Мы хотели доказать ему, что он не плохой и не странный, что он запросто войдет в новый коллектив даже в другой стране. И он справился. Эта поездка дала сыну уверенность в себе. Также он занимался с психологом, мы вместе читали сказки, «отрабатывающие» школьные конфликты. А главное, уже в первую неделю сентября он понял, что существуют совершенно другие учителя и другие отношения между одноклассниками и у него все будет хорошо.

В его новом классе были четкие правила, и они выполнялись. Учительница была строгой, но даже в самых сложных ситуациях она никогда не говорила: «Я ничего не могу сделать». А еще с самого первого дня она настроила всех мальчиков класса (а это были в основном довольно крупные девятилетки), чтобы они вставали стеной за Ярослава, если увидят хоть малейший намек на его травлю. И они это делали. На совместных обедах и прогулках учительница всегда следила за нашим бывшим классом и пресекала любые попытки стычек. Через месяц она призналась мне, что после наблюдений за нашими бывшими одноклассниками ей многое стало понятно, и многое, да почти все, преподносилось администрацией школы совершенно не так, как было на самом деле. Интервью с этим педагогом, открывшим нашему сыну новый мир отношений, есть в этой книге. Надо сказать, кроме нее ни один учитель на это не пошел и не отозвался на мой пост в социальных сетях.

Уже в начале третьего класса Ярослав полностью восстановился. Травля сошла на нет, а если абьюзер из прежнего класса и пытался в своей обычной манере крикнуть что-то обидное, Ярослава это уже не задевало. Он чувствовал поддержку ребят и новой учительницы, перестал быть скрюченным затравленным зверьком. Он стал смеяться и шутить как раньше, выпрямился, почувствовал себя свободно, снова принялся рисовать, сочинять. Его картины стали ярче, музыка веселее, стихи – жизнеутверждающими. Я же долго не могла привыкнуть к тому, что с учителем можно общаться, а мои звонки не воспринимаются как террор. Более того, в большинстве случаев учительница звонила мне сама, чтобы обсудить, как проходит адаптация моего сына.

Ну а школа… Бывшая учительница, родители, директор младшей школы остались при своем мнении. В том классе травля перекинулась на других детей. Оксана, о которой я писала, только к октябрю третьего класса с большим трудом смогла перевести свою дочку в другой коллектив – и этой истории в моей книге посвящена отдельная глава. 85% родителей бывшего класса до сих пор уверены, что отделались от семьи террористов, что к учительнице не надо лезть, вообще не надо делать ничего, что может всколыхнуть ее нервную систему. Доходило до смешного. Когда возникла проблема с учителем ритмики, которая откровенно издевалась над всем классом, родители сначала хотели пойти к директору с просьбой о замене. Но вспомнили, как семейство Моториных чуть не убило своим терроризмом учительницу, и решили не ходить: ведь это опять могло расстроить Марьиванну. А дети пусть потерпят.

Когда дети закончили младшую школу, родительский коллектив прежнего класса написал Марьиванне огромное благодарственное письмо: это была идея все той же небольшой группы приближенных. Сейчас оно опубликовано на сайте школы. Говорят, отдавая ребенка в первый класс, надо «идти на учителя». Чтобы найти его, изучают отзывы. Так вот, Марьиванну отрекомендует 85% нашего бывшего класса, потому что в нашем менталитете ценятся академические успехи, но никак не межличностные отношения. А еще у нас слабость и уязвимость – синоним дефективности. Одна из моих героинь описала в соцсетях историю травли своей дочки в престижной гимназии, где преподавал «традиционный советский учитель». Очень забавно было потом читать комментарии: сначала в них преобладали слова поддержки, но в какой-то момент появились родители бывших одноклассников с репликами типа: «Наконец-то мы избавились от девочки, тыкающей всех циркулем». Им не интересно, почему ребенок вдруг начал тыкать циркулем, и никто из них не связывает уход девочки из класса с полным провалом работы педагога. Я уже предвкушаю реакцию родителей из нашего прежнего класса на мою книгу: «Какова наглость! Сначала затравила учителя, а теперь написала книгу про травлю!»

Еще два ребенка хотели уйти из нашего бывшего класса, но им не дали. Обе мамы признались мне, что боятся решительных мер и не смогут выдержать прессинг, который испытали мы с мужем. «Дотерпим до конца четвертого класса, а потом поступим в первую попавшуюся среднюю школу, лишь бы там не было какого-нибудь хулигана и его банды», – говорили они. Что же, это их выбор. Уходить первому относительно легко, а следующим – сложнее: это уже наверняка скажется на рейтинге школы. Очень рада, что наша семья была первой, хоть и получила больше всех оплеух. Я часто слышу про себя, что «мне вечно больше всех надо». После истории с моим сыном я воспринимаю это как комплимент. Только родители, которым «вечно все надо», способны спасти своих детей.

Советы

Что я советую родителям как «бывалый»?

Часто ко мне именно так и обращаются родители: «Как бывалый, прошедший через все это, посоветуйте». Конечно, я не буду давать советы после каждой из сорока историй. Но историю своего сына я специально описала детально,

чтобы было понятно: где шаги были верными, а где – нет. Теперь, рефлексируя над этим опытом, я могу сказать, как надо и как не надо поступать.

1. Выбор школы

Травли можно избежать, правильно выбрав учебное заведение. В идеале всем детям следует поступать в авторскую школу, типа Summerhill в Англии или «Апельсин» Димы Зицера. Но лишь очень небольшая часть жителей нашей страны может это себе позволить. Поэтому поговорим о реальных вариантах.

Когда Ярослава начали травить, я чувствовала себя виноватой, потому что сама отдала его в «рейтинговую» школу. Однако «грызла» я себя зря.

Да, теперь я точно знаю, что не стоит гнаться за престижной школой. Знания она, может, и даст, но от психотравмы не спасет. Причем психотравма еще и помешает получить знания, даже если в этой школе великолепно преподают предметы.

С другой стороны, в районе, где мы жили, школы в пешей доступности были ну совсем никчемными. Я присматривалась к ним, еще когда возила гулять Ярослава в коляске. Я видела, что происходит на площадках, слышала, о чем беседуют дети и что говорят им учителя на школьном дворе, – и все это мне совершенно не нравилось. Там были ситуации травли прямо у школьных ворот, равнодушные к детям педагоги и орущие учителя. Я видела совсем маленьких, но уже озлобленных детей. Стало понятно, что школы поблизости не подходят. А раз уж ребенка все равно придется возить на уроки на машине, то почему бы не поступить в ту самую «рейтинговую» школу, которая находилась в 15 минутах езды от дома. Там я тоже прогулялась с коляской и обнаружила, что разница весьма ощутимая: начальная школа здесь располагалась в отдельном здании, на площадке и во дворе никто праздно не шатался, не курил, не плевался. Детей приводили и забирали родители.

Но у хороших школ (не только государственных, но и частных) есть огромный недостаток: для них очень важен рейтинг, здесь не станут делать того, что может его снизить. Здесь директору проще закрыть глаза на проблему, чем признать ее. Поэтому он не станет проводить проверку профессиональной пригодности учителя и признавать неутешительные результаты этой проверки:

ведь репутация школы пострадает, ее рейтинг может упасть.

Но иногда престижная школа – единственный шанс для ребенка не попасть в дурное окружение. Если это ваш случай, не корите себя, ведь вы желаете своему сыну или дочери лучшего. И потом, как уже понятно из нашей истории, даже в школе с не слишком добросовестным директором есть учителя от бога.

2. Выбор учителя

Вот это действительно важный момент, особенно для начальной школы. Как найти хорошего учителя? Чаще всего родители собирают отзывы в соцсетях, и здесь кроется ловушка. Об учителе, допустившем травлю нашего сына, большинство родителей отзывались восторженно. Но это большинство составляли родители, уверенные, что ребенок с детства должен учиться терпеть. Помните историю с ритмикой? Совпадет мировоззрение у вас и у родителей, оставивших отзывы? Если эти люди вам хорошо знакомы, если они ваши единомышленники, то совпадет. Но очень часто вы не знаете о них ничего, а их, возможно, устраивает, когда на их детей орут в воспитательных целях. Может, они и сами не прочь поорать. Может, они спокойно относятся к обесценивающим фразам типа: «А голову ты дома не забыл?», «Выйди и зайди нормально», «Сколько можно повторять? Вынь бананы из ушей». Но ведь все это – показатели учительской беспомощности и непрофессионализма.

Выход один – еще до начала занятий знакомиться с учителями и установить контакт с ними. Я довольно хорошо разбираюсь в людях, и то, что Марьиванна – не совсем мой человек, поняла на первой встрече. Я жалею, что не послушала тогда свою интуицию, а надо было просто пойти к директору образовательного комплекса и попроситься в другой класс. Если у вас есть возможность пообщаться с учителями и выбрать того, кому вы можете доверить формирование у вашего ребенка представлений об отношениях, о мире, – делайте это обязательно!

3. Бдительность

Проявлять бдительность – не значит быть параноиком. Первые сигналы о том, что методы учителя не создают атмосферу безопасности, необходимую ребенку

в первом классе, появились в нашем случае довольно быстро. О том, что в классе есть агрессор, мы узнали в самом начале учебного года. Я помню, что тогда подумала: «Наш учитель – лучший в школе, надо ему довериться». А когда читала в чате «крики» про Вовочку, не придала им значения: ведь Ярослав поначалу не страдал, «моя хата с краю». Я дико недовольна собой из-за этого.

Конечно, надо было узнать подробно о Вовочке, расспросить сына об обстановке в классе. Тогда бы я поняла, что уже осенью первого учебного года атмосфера стала нездоровой. Затем из разговора с учителем я бы узнала, что она не видит проблемы и ничего с этим не делает. Собственно, после этого надо было срочно переходить в другой класс. Тогда я снова не доверилась интуиции, но вас призываю быть бдительными всегда.

Если вас хоть что-то смущает, пробуйте детально разобраться в ситуации. Даже если она пока не затрагивает вашего ребенка. Первое время хотя бы изредка встречайтесь с учителем. Если, как в нашем случае, вы услышите, что это неприемлемо, что вы отвлекаете педагога от учебного процесса, немедленно бегите из этого класса! Вы имеете полное право общаться с учителями. Вряд ли я открою вам тайну, но работа с родителями входит в обязанности педагогов, за это им начисляют зарплату. Да, платят мало, и это возмутительно, но человек сделал свой выбор, когда пошел работать в школу.

4. Только один шанс

В течение двух лет мы несколько раз ходили к директору начальной школы и два раза – к директору всего образовательного комплекса. Каждое наше посещение заканчивалось обещанием начальства исправить ситуацию и «взять все под контроль». Я верила этим взрослым авторитетным людям, и зря: ничего не менялось.

Поэтому вот мой совет: давайте наделенным властью людям только один шанс. Если вам пообещали все исправить, но не исправили, то следующим вашим шагом должна быть решительная мера: перевод в другой класс, в другую школу, вызов медиатора или привлечение регионального ведомства, отвечающего за образование. Проверено на себе: если обещают, но не выполняют, значит, так будет и дальше.

5. Самостоятельная борьба

Не вовлекайте в вашу проблему других родителей. В нашем случае мамы из класса писали мне о вопиющих условиях, в которых учится мой сын, а потом некоторые из них меня же обвинили в том, что я всех «баламутила». Поэтому если о травле вашего ребенка вы узнали от других родителей, то просто задайте им вопросы, которые у вас появятся, поблагодарите, а дальше занимайтесь своей проблемой сами.

Не собирайтесь в коалиции. Меня пригласили на собрание по поводу мальчика-агрессора. Это была не моя идея, но затем всем стало выгодно выставить инициаторами нашу семью. Вы не можете быть уверенными в том, пойдут ли другие родители с вами до конца. Нет, я-то как раз уверена, что не пойдут, скорее всего, предадут. А вы сами – идите! И если на первых встречах видите, что ни у учителя, ни у директора вы не находите понимания, то сразу принимайте решительные меры, о которых я писала выше. Словом, вовлекайте в проблему учителя, директора, эксперта, медиатора, юриста, департамент образования, но только не других родителей.

Уверена, что могут быть исключения. Например, когда вы вместе с несколькими друзьями-единомышленниками отдали своих детей в один класс. С ними наверняка объединиться можно. Во всех иных случаях готовьтесь к самостоятельной борьбе.

6. Школьный чат – под запретом

Это правило логично выходит из предыдущего, но я вынесла его отдельно. Про школьные чаты создан уже миллион анекдотов и мемов. Обычно родители соглашаются следовать правилам, о чем в чате можно писать, о чем нет, но потом эти правила почти всегда нарушают. Вы должны помнить о своем личном правиле: если у вашего ребенка появились проблемы, особенно травля, никогда не обсуждайте подробности в чате. Мне очень жаль, что я пыталась в чате защищать своего ребенка. Я не инициировала эти обсуждения, меня в них вовлекали. А нужно было воздержаться. Чат – не трибуна для отстаивания интересов вашего ребенка, потому что вас никто не услышит, диалога не получится, начнется холивар.

7. Письма

До сих пор я перечисляла ошибки, но кое-что мы сделали правильно. Например, написали первое письмо. Сейчас я думаю, что его надо было составлять от имени только нашей семьи. Но тогда я не могла даже предположить, что большая часть из десятка возмущенных родителей впоследствии отрекутся от своих слов, а нашу семью обвинят в революционных настроениях.

Прочитав мою историю, вы могли решить, что письма в нашем случае были бесполезны. Я так не думаю: все-таки безобразия необходимо фиксировать официально. И не будь того письма, нас вряд ли перевели бы в другой класс. Когда вы перейдете к решительным мерам, вам понадобятся доказательства того, что вы обращались к администрации.

Ну и конечно, если (не дай бог) ребенок получит физические травмы, это надо зафиксировать обязательно: сфотографировать, получить медицинское заключение и обратиться в полицию. Это уже уровень решительных мер.

8. Борьба до конца

Я жалею, что долго тянула с переводом сына: издевательства над моим ребенком могли закончиться гораздо раньше. Поэтому гоните от себя мысли: «Дотерпим до конца года – младших классов – школы» или «Если я предприму решительные шаги, это пагубно отразится на ребенке». Он уже пострадал, и каждый день, проведенный в травле, имеет для него значение. Боритесь решительно и идите до конца – тогда ваш ребенок поверит, что вы за него, узнает, что такое поддержка семьи.

Отдельно надо сказать, что ребенок может бояться перевода в другой класс или школу. А если в новом коллективе все будет по-старому? Он может думать, что дело в нем, даже если вы каждый день говорите ему обратное. И ваша задача – переубедить его любой ценой. Не слушает вас – подключите хорошего психолога: часто дети слушают советы чужих взрослых лучше, чем наши.

9. Работа над самооценкой

Когда все уже будет позади, останется травма. Обычно травля очень снижает самооценку ребенка, и после того, как вы вытащите его из болезнетворной среды, травму нужно будет «проработать», а самооценку – поднять. Это сделает психолог, но и вы попробуйте найти какие-то «активности», где ребенок сможет увидеть, что причина травли была не в нем. Это может быть секция, кружок, клуб, только убедитесь, что там безопасно.

Мы отправили Ярослава в американский лагерь, потому что были уверены: там не допустят травили. Почему? Да просто потому, что я хорошо знаю, как устроены американские лагеря, я в них работала. К тому же сын знал английский язык. Потому мне было очень легко доказать Ярославу его «нормальность»: «Смотри, там тоже был новый коллектив, и все, кроме тебя, – американцы. Но тебя приняли и не травили». Это дало колоссальный результат.

10. Найдите для себя поддержку

Выше я писала о том, что не стоит вовлекать в свою борьбу других родителей из класса. А вот единомышленников вам искать необходимо. Огромное количество взрослых людей (учителя, директор, родители) будут доказывать вам, что вы неправы. Вы можете засомневаться, поддаться газлайтингу и согласиться с ними.

Чтобы этого не произошло, вам нужна поддержка, люди, которые подтвердят, что вы – не «истеричный, тревожный» родитель и что защищать ребенка – нормально. Пишите о вашей истории в социальных сетях. Вступайте в группы – их много: например, в Facebook это «Буллинг» и «Стоп буллинг». Пишите там свою историю. По комментариям вы быстро поймете, допустима ли описываемая вами ситуация или это все-таки травля. Я писала на своей странице в Facebook – правда, принялась это делать, когда Ярослав уже заканчивал второй класс: просто не хотела оставлять пятно на репутации школы. Но когда начала писать, то убедилась, что поступаю правильно. А еще я увидела, как много историй, подобных моей.

История Элины Гаджиевой,

2018–2019 годы (13–14 лет), г. Баку

Рассказывает мама Севиль, 32 года

Имена сохранены

– Какой была Элина?

– Очень живой, радостной: обычный ребенок. Именно ребенок с детскими мыслями. Она не успела повзрослеть. Первое время Элина любила учиться, а в конце последнего года как-то сломалась. Говорила, что поднимает на уроке руку, отвечает – и ее сажают с двойкой или тройкой, а потом одноклассник отвечает то же самое – и ему ставят четыре. В школе, где случилась трагедия, она проучилась почти два года.

– Как она попала в эту школу?

– С первого по третий класс она училась в школе № 49. Потом там оставили обучение только на азербайджанском языке, а русскоязычных перевели в школу № 203. Там Элина училась до шестого класса. Школа была хорошая, никаких претензий. У моей сестры есть две дочери, они втроем – Элина и мои племянницы – с рождения росли в одном доме. Так вот, с одной из своих кузин, Дианой, Элина попала в 203-й школе в один класс, и мы все были рады, что дети вместе. Но потом сестре пришлось перевести своих детей в другую школу.
У меня тоже произошли перемены: с отцом Элины мы расстались, я снова вышла замуж, и в семье появилось двое маленьких детей. Новой семьей мы стали жить в другом районе, а оттуда до 203-й школы добираться очень неудобно. В общем, все эти обстоятельства заставили нас снова поменять школу, и седьмой класс дочка начала в школе № 162. Там, где уже училась Диана.

– Когда вы стали понимать, что что-то не так?

– Первые полгода все шло нормально, а в декабре Элина впервые сказала, что хочет обратно в 203-ю школу. Призналась, что ее задевают и обзывают одноклассники, в основном три мальчика. Я попросила ее потерпеть до конца учебного года. Моя девочка не любила ругаться и жаловаться: всего пару раз

она мне говорила, что в школе ее довели. Мы с сестрой ходили к учительнице и к директору выяснять, почему не прекращаются издевательства над ребенком. Моя сестра активнее меня, иногда она даже одна шла за Элину заступаться. Директор всегда обещала, что безобразия больше не повторятся, она вызывала к себе мальчиков и их мам, беседовала с ними. Но все продолжалось. В конце учебного года мы с Элиной пошли к директору 203-й школы попросить принять нас назад. Директор сказала, что девочка отстала по программе и с ее уровнем в восьмой класс ее перевести не смогут – оставят на второй год в седьмом. Но Элина хотела вернуться именно в свой старый класс. Рядом была школа № 91, но там у нас шансов вообще не было: классы оказались переполненными. Так Элина осталась в 162-й школе и перешла там в восьмой класс.

В начале следующего учебного года все шло неплохо – до тех пор, пока в ноябре Элина не поругалась со своей подругой и одноклассницей Зулейхой. Произошло это так. Примерно в 6.30 утра Элина ехала в автобусе с бывшим одноклассником из 203-й школы, Халидом. Он наш сосед, они с дочкой часто по утрам ездили в школу вместе. В том же автобусе была Зулейха со своей мамой. Халид вышел на остановке у 203-й школы, Элина – вместе с ним, а подруга с мамой поехали дальше, до 162-й школы. В этот же день мама Зулейхи позвонила мне, чтобы сообщить: Элина прогуливает школу с каким-то парнем. Я спросила дочь: «Что еще за парень?» Она объяснила, а потом, видимо, стала выяснять отношения с подругой – и рассорилась с ней. К этому все шло, потому что парень Зулейхи, Тимурхан, запрещал ей дружить с Элиной: слишком много времени девочки проводили вместе. В точности я не знаю, что между ними произошло, но у Элины прямо в школе началась истерика, она залезла на подоконник, чтобы выпрыгнуть из окна. Хорошо, что рядом оказалась Диана, успокоила ее. Пару дней после этого дочка пожила у своего отца, пришла в себя и вернулась домой.

Потом Элина нашла другую подругу, с которой поддерживала отношения до последнего дня. Я читала их переписку в Instagram. 2 апреля, за два дня до трагедии, эта девочка писала Элине: «Если соберешься уходить в другую школу – я пойду с тобой. А может, останешься?» Элина ответила, что ради нее готова остаться.

– И все-таки до 4 апреля происходило что-то, на что вы обратили внимание?

– Однажды в феврале она пришла домой в ужасном настроении, легла в кровать, накрылась одеялом с головой и принялась плакать. На мои расспросы отвечала, что просто хочет в 203-ю школу. Я пообещала еще раз поговорить с директором,

и отец Элины тоже собирался это сделать. Но не успел.

– То есть что-то происходило, но она не говорила?

– Молчала. Вообще она очень изменилась в конце февраля – начале марта. Раньше она всегда отвечала мне доброжелательно, а тут стала грубить. Я запретила ей пользоваться Instagram, тогда она стала прятать от меня свой телефон. Как-то раз я забрала его у Элины, так она стала выхватывать телефон у меня из рук и с силой выдернула его. После этого я перестала наседать на нее: подросток все-таки.

– А после трагедии вы пытались выяснить, как проходили ее последние дни? Вам что-то стало понятно?

– Я до сих пор ничего не знаю. Когда следователь пришел, чтобы забрать сумку дочери, ее телефона там не оказалось. Его обнаружили у школьной администрации, но следователь смог его получить, только пригрозив обыском. WhatsApp из телефона был удален. Еще у Элины была тетрадка, в которую она записывала понравившиеся фразы и мысли. Обычно она ее прятала, но пару раз забывала на серванте, и я ее хорошо разглядела. Что было внутри, толком не разобрала: почерк слишком мелкий. Но я прекрасно помню, сколько там было страниц. А когда вещи Элины нам вернули, я заметила, что тетрадь стала гораздо тоньше, больше половины страниц были вырваны. Кстати, фраза, которую многие СМИ выдали за предсмертную записку – «Не приходите ко мне на могилу, очень уж вы меня любили. После смерти ваша любовь мне не нужна. Я вам была не нужна, не приходите…» – оттуда, из этой тетрадки, но кому адресована, уже никто не узнает. Я считаю, что предсмертной записки Элина не оставляла.

Ее друзья боятся мне что-либо рассказывать. В Сети выложена запись с камеры наблюдения: Элина идет по коридору, потом влезает на подоконник, в это время к ней подходят несколько мальчиков. С одним из них моя дочь в последнее время общалась, и он очень хотел мне что-то рассказать. Но мама ему запретила, сказала: «Все молчат, и ты молчи, чтобы не было проблем». После самоубийства моей девочки прошел уже год, но полной картины того, что происходило с Элиной, у меня до сих пор нет.

– Как прошли последние дни перед трагедией? Как все случилось?

– В последнее время у нее резко менялось настроение. Она могла смеяться, шутить, а потом вдруг мрачнела, шла к себе: «Хочу спать». Мы ее звали: «Посиди с нами, поговори». Элина отказывалась: неохота, устала. Она подолгу сидела одна, много спала – и так продолжалось весь март. Но в последние дни все было хорошо.

3 апреля она пришла из школы без настроения, сонная. Сказала, что есть не будет, что не могла заснуть всю ночь, поэтому хочет поспать. Я ушла с младшими детьми в магазин, потом еще часа два гуляла с ними. В девять вечера я разбудила и накормила Элину. Она поела прямо в кровати, потом встала, умылась, некоторое время переписывалась с кем-то по телефону. Мы немного поговорили, запланировали на днях пойти по магазинам. Еще в этот вечер она поиграла с маленькой сестрой.

Утром 4 апреля Элина проснулась раньше всех в прекрасном настроении, улыбалась. Я накануне ночью испекла пирог и попросила ее отнести часть бабушке. Элина отправилась к ней, там же позавтракала, покрутилась у зеркала, поцеловала бабушку и ушла в школу.

А в 12:27 мне позвонила детский инспектор и сказала, что моя дочь выпала из окна. Их класс на втором этаже, и я сначала подумала: может, она просто решила сбежать с уроков или кто-то ее толкнул. Я даже не поняла тогда, что она не выпала, а именно выпрыгнула из окна.

– А что происходило между визитом к бабушке и звонком в 12:27?

– Судя по записям школьных видеокамер, в 9.30 она сидела на занятиях и что-то писала. Потом вышла из класса, поговорила с приятелем, поднялась по лестнице на третий этаж и пошла по коридору. Позади нее оказались трое мальчиков. Элина подошла к окну, поправила гольф на ноге, залезла на подоконник, а когда мальчики с ней поравнялись, она выпрыгнула из окна.

Потом директор попросила одного из этих ребят принести Элину в кабинет. Там ее положили на диван, а директор всех выгнала, оставила только завуча. Приходила психолог. По ее словам, она предлагала вызвать скорую, но директор на нее накричала, сказала, что нельзя никого вызывать и вообще вмешиваться, вытолкнула психолога за дверь. Потом в кабинет вызвали медсестру.
Та измерила давление: оно падало. Медсестра тоже заикнулась про скорую,

на что директор сообщила, что сама вызовет. Минут через двадцать медсестра пришла снова измерить давление: оно продолжало падать, а скорой все не было – потому что на самом деле ее никто не вызывал. В общем, два часа в кабинет директора школы, где умирала моя дочь, никого не пускали, и что там происходило, мы не знаем до сих пор.

Наконец директор позвонила в Министерство образования, чтобы сообщить об инциденте. Однако она описала дело так, будто Элина наглоталась таблеток и отравилась, но в принципе с ней все хорошо. От директора потребовали звонить каждые десять минут и докладывать о состоянии девочки. Она звонила и докладывала, но речь все время шла об отравлении. Через какое-то время директор школы позвонила председателю комиссии по делам несовершеннолетних Халиде Байрамовой. Через полчаса та уже была в школе, и именно она вызвала скорую, которая приехала через четыре минуты. Элину увезли в больницу. В сети есть видео, снятое, скорее всего, Халидой: там Элину спрашивают, какая обстановка в школе, как класс, как директор, а моя дочка с большим трудом отвечает: «Директор мне ничего плохого не сделала, но дети…»

После того как скорая увезла Элину, мне все-таки позвонили из школы, но не сообщили, что дочь уже в больнице. Я примчалась в школу, а там – полиция, какие-то непонятные люди, мне совали бумаги и ручку, просили что-то подписать, задавали вопросы – а какие, я уже даже не помню. Из школы я поехала в больницу.

– Как я понимаю, в больнице была допущена куча врачебных ошибок. Что там происходило, когда вы приехали? Вы виделись с Элиной перед ее смертью?

– Отец Элины был уже там, и мы вместе попытались пройти в реанимацию, но нас не пустили. Потом появилась Халида Байрамова, удивилась, что нас не пускают к ребенку, и повела нас в отделение. Там Халида с врачом зашла в палату. Дверь перед нами закрыли, мы остались в коридоре. Вскоре Халида вышла и сообщила, что с ребенком все хорошо, ничего серьезного, только трещина на бедренной кости. Так и сказала: «Слава богу, пронесло». По ее словам, нам надо было немного подождать, чтобы нас впустили к Элине. Мы просидели у дверей до шести вечера, но пройти к дочери нам так и не позволили. А потом нам уже надо было ехать в отделение полиции и там давать показания. После восьми вечера отец Элины позвонил в больницу: можно ли увидеть дочь? Ему ответили, что поздно, приезжать бесполезно, все

равно не пустят.

На следующее утро, 5 апреля, отец Элины рассказал мне по телефону, что беседовал с главврачом, и тот сказал, что в больницу ехать не надо, в реанимацию нам нельзя, а 6 апреля Элину переведут в общую палату, и тогда ее можно будет навестить. Но сразу после этого мне позвонил следователь: оказывается, он договорился, и меня все же пропустят в реанимацию. Я тут же поехала в больницу и увидела в коридоре реанимационного отделения нашу классную руководительницу и маму одноклассника Элины. Я возмутилась: посторонние люди тут сидят, а меня все это время не пускали! Пришел разбираться врач, я сослалась на следователя. В общем, мне дали минуту свидания с дочерью. Элина была никакая. Она лежала под капельницей с закрытыми глазами и периодически тихо стонала от боли. Я взяла ее руку – Элина не реагировала. Меня быстро вытолкнули из палаты.

Я позвонила отцу Элины: с дочкой что-то не так, ее, наверное, надо перевести в травматологию. Тот снова связался с главврачом и после разговора с ним успокоил меня: у Элины все хорошо, завтра ее переводят в общую палату. Потом он звонил ночью дежурному врачу, у того тоже были прекрасные новости: Элину обследовали, у нее все отлично, она чувствует себя хорошо, поела кашу.

А утром какой-то незнакомец задал мне вопрос в WhatsApp: куда подъехать, чтобы сдать кровь для Элины? Я позвонила бывшему мужу: «Спроси врача, почему Элине понадобилось переливание крови? Наверное, ошибка?» Через пять минут отец Элины сообщил, что нам надо срочно в больницу: ребенок в критическом состоянии. Когда я зашла к Элине, она была подключена к аппарату искусственной вентиляции легких (ИВЛ) – жива, но без сознания. Я кинулась к лечащему врачу, тот сообщил, что ночью сердце Элины внезапно остановилось, но ее откачали. На мой вопрос, когда стабилизируется состоянине девочки, он сказал: «Не знаю. Сидите внизу и ждите». Тем временем подъехали моя мама и сестра. Мы послушно посидели внизу, потом все же поднялись в реанимационное отделение.

И там мне сказали, что ребенок скончался.

Я окаменела. Ничего не поняла, не поверила ни единому слову врачей. Как это «скончалась»? Зашла в реанимацию: Элина лежала теплая, и аппарат был на месте. Я побежала в другой корпус искать главного врача, вместо него нашла лечащего врача и хирурга, схватила их за руки. Те принялись вырываться: «Я

не ее лечащий врач!», «Я не ее хирург!». Я вернулась в корпус, где лежала Элина, в лифте столкнулась с бывшим мужем. Он сказал, что наша дочь умерла. Мы с ним встали у ее кровати. Я все не понимала смысла его слов, и тогда он показал мне, что аппарат ИВЛ к Элине не подключен. Тут все вокруг начали бегать, кричать, потом забрали Элину в морг. Дальше я ничего не помню.

– Кто-то понес наказание?

– Нет. Суд был только над директором, а врачей полностью отгородили от процесса. Директору дали два года и два месяца домашнего ареста. Но это такой арест… Она может выходить куда угодно, но с 23.00 до 6.00 должна быть дома. Сейчас мы ждем решения Верховного суда, но уверены, что ничего не добьемся, врачей не тронут. Поэтому мы просто ждем, пока пройдем здесь все стадии, чтобы дальше обратиться в Европейский суд.

– Вы сказали, что телефон Элины вернули без переписки в WhatsApp, а тетрадь с записями – распотрошенную. А кто-то пытался узнать, о чем она писала друзьям? Ведь в их телефонах осталась переписка.

– Следователи получили от одноклассников нашей дочки телефоны, но не от всех. Кто хотел, тот дал, кто не хотел – не дал. Расследование велось вяло и неохотно.

– А вы сами смотрели телефоны подруг, мальчиков?

– Нет.

– А социальные сети?

– У нее был только Instagram. Там была переписка от 2 апреля, где Элина писала подруге, что с ней хочет помириться Зулейха. Элина не хотела мириться, потому что та ее уже три раза подставляла. В этой переписке Элина вспоминает: «Я из-за этого Тимурхана и так чуть не выпала из окна».

– Что подсказывает ваше материнское сердце? Что же произошло?

– Мне кажется, она не хотела умирать. Если бы хотела – поступила бы иначе, сделала бы это дома, ведь мы живем на пятом этаже. Ребенок, который хочет умереть, не будет ждать, когда к нему подойдут, не будет поправлять гольфы. Думаю, она хотела, чтобы мальчики сняли ее с подоконника. Судя по видео, когда она влезала на окно, ребята были уже совсем рядом. Когда мы с ней смотрели фильмы, где по сюжету происходило самоубийство, она всегда говорила: «Зачем это делать?» Случай в ноябре, когда Элина залезла на окно, она потом обсуждала с Дианой и сказала, что хотела спрыгнуть, но ей маму стало жалко. Нет, сознательно она бы этого не сделала. Мне кажется, произошла случайность. После трагедии кто-то из учителей писал, что подоконники были скользкие. Может, она поскользнулась? Не знаю.

– Почему вас не пускали в больницу? Почему Элину два часа держали в кабинете директора, а вы не знали об этом? Как вы это объясняете?

– Думаю, она могла мне что-то про директора рассказать. Возможно, ей угрожали.

– Почему все-таки она не рассказывала вам всего? Ведь явно происходило гораздо больше, чем она говорила. У вас были доверительные отношения?

– Знаете, отношения у нас были не совсем как у матери с дочерью. Их нельзя было назвать доверительными. Ведь я Элину родила в 17 лет, поэтому мы были как подружки. Мы с ней могли говорить о чем угодно, но она старалась меня не расстраивать. А я не хотела, чтобы она была злой, учила ее доброте. Видимо, случилось нечто такое, о чем она не решилась мне рассказать. А что – я уже никогда не узнаю. Теперь двоих младших детей я буду учить все рассказывать, ничего не скрывать.

История Марии

Рассказывает сама Мария, 40 лет, г. Алма-Ата, журналист, волонтер поискового отряда и инклюзивного центра

Имя сохранено

Я работаю журналистом, участвую в поисковом отряде и работаю с детьми в инклюзивном центре. Я выбрала этот путь не случайно. Это связано с моим подростковым возрастом. Я была буллером. Мой папа работал в горкоме, а мама была главным редактором газеты. Но при всем своем видном положении родители жили на зарплату, которая классически составляла сто двадцать рублей. Помимо меня, были еще две сестры, и мы жили довольно скромно. Потом наступили девяностые. Папа уже не был горкомовским работником, но уважение, репутацию сохранил. В городе открылась первая гимназия, куда брали не по мозгам, а по статусу семьи. И вот мы там собрались – звездные дети, в том числе дети первых бизнесменов, они красиво одевались. А у меня дырка на подошве, одни джинсы на все случаи. В девяностых мы жили бедно.

Но главное даже не это. Дома не было безопасной зоны. Других папы приводили или привозили в школу. Приходили на собрание. Мой папа полностью отсутствовал в моей жизни. И еще он всегда пил. Но если поначалу он мог выпить, а мы – просто посмеяться, то после развала Союза он стал пить по-другому. Он был сломлен. Стал агрессивным. Нападал на маму. Мы часто уходили ночевать к соседям. Я боялась его. Когда мама уезжала в командировки и я оставалась с ним одна, то допоздна сидела на улице, ждала, когда он уснет. Я просила маму: «Давай уйдем». А мама говорила, что мы не можем уйти, что скажут люди. Тогда я поняла, что совсем одна, мама меня не защитит. Это был мрак. И он длился, пока отец не умер в девяносто восьмом году. Я даже после похорон ни разу не была на кладбище, настолько чувства к нему трансформировались.

Мне было страшно обидно. И во мне скопилась злость. В результате в восьмом классе я выбрала для себя позицию «плохиша», пошла на опережение. Я никого не била. Но могла «погнобить» какую-нибудь богатую девочку прежде, чем она «погнобит» меня. Я так устанавливала справедливость. Мне так хотелось прийти домой, где меня встретят не матом или словами: «Че, мразь, пришла?» Мне хотелось, чтобы меня обняли, чтобы сказали: «Ничего не бойся». Мне хотелось, чтобы меня любили. Этого не было. Я, например, дружила с мальчиком, он стал наркоманом, я с ним рассталась. Однажды он ворвался к нам домой, мамы, как обычно, не было, а отец просто стоял и смотрел. Мне пришлось самой выпихивать этого парня. Если бы меня травили в школе, как мою дочь, мои родители ни за что меня бы не защитили.

И в качестве защиты я стала хулиганкой. Дружила со старшеклассниками, это считалось круто. Я с ними ходила курить за школу. Могли вина выпить перед

дискотекой. Могли вызвать кого-то на разборки. Я пыталась самоутвердиться через грубость, агрессию. Меня вызывали к директору и отчитывали в очередной раз: «У тебя такие родители, а ты…» А я стояла и думала: что ты вообще знаешь о моей жизни? Что у меня дома творится, спала ли я ночью? Никто не догадывался, что было у меня дома. Я четко понимала, что обратиться за помощью мне не к кому. С тринадцати лет были попытки убить себя. Я пила таблетки. Позже пыталась вскрыть вены. Меня спасали. С таблетками отец откачивал, с венами на скорой увозили, руки зашивали. А мне так хотелось не быть. Не было желания что-то доказывать. Просто хотелось не быть. Нигде. Последний раз я попыталась со всем покончить в восемнадцать лет. В девятнадцать я торопливо вышла замуж. Просто сбежала из дома.

В 2013 году я уже занималась журналистикой, и в Алма-Ате произошло двойное самоубийство: парень и девочка прыгнули с крыши. Причем было похоже, что девочку он толкнул, так как она очень далеко улетела, а там на крыше негде так разбежаться. Я взяла этот материал, начала его расследовать. Мне в руки попали такие страшные факты: парень публично в социальных сетях отсчитывал пятьдесят шесть дней. Он попал в игру группы смерти. Я списалась с его друзьями. Один из них через день после трагедии оставил надпись, что через двадцать четыре часа по просьбе мальчика он удаляет его страницу. То есть все знали. Все, кроме взрослых. Я начала отрабатывать эту тему. Увидела в Интернете зачатки групп смерти. Но причин ухода мальчика мы так и не нашли. Когда мама наконец согласилась со мной встретиться, то сразу сказала: «У него все было. Я каждый день давала ему деньги». И я поняла, что у парня не было ничего. Кроме денег. Друзья говорили, что он был очень закрытый, ходил на сборища панков, рокеров, искал себе общество, но отношения не складывались. Он покупал дружбу, угощал сигаретами, алкоголем. Его принимали только потому, что у него были деньги. Думаю, он был очень одинок. Но это переживают многие подростки. Кто-то справляется, а кто-то вот так уходит в депрессию и потом – совсем. Пару месяцев вела я это расследование. Меня напугало то, что тогда еще все эти группы смерти были открыты, вовсю велись разговоры, там было дикое количество подписчиков, детей, которые это все лайкали, комментировали и делали репосты на свои стены. Невероятное количество, по несколько сотен тысяч подписчиков у каждой группы. У меня был нервный срыв. Я слишком близко это пережила, спроецировала на свое детство. Если бы в моем подростковом возрасте была такая атмосфера, я была бы в числе первых, кто «выпилился». Я увидела глубину проблемы, самого этого явления – подростковый суицид.

Позже я вошла в поисковый отряд, который разыскивает, в частности, пропавших подростков. Там я познакомилась с директором инклюзивного центра, который еще не раз упомяну. Я увидела проблему еще острее. Подросток пропадает, а близкие не знают о нем ничего. Так много патриархальных семей, где никто ничего друг у друга не спрашивает. Никто не говорит по душам. Дети и родители разделены. Когда мы выезжаем на поиски, нам важно знать все детали, были ли мысли о самоубийстве, проблемы. Практически всегда родственники говорят, что все было прекрасно. Начинаешь копать, выясняется, что все было совсем не прекрасно, что были депрессии или зависимости, и это вообще не первый уход. Мы теряем драгоценное время на составление портрета, когда уже могли бы заниматься поисками. Видимость благополучия кажется важнее.

Я пытаюсь хоть как-то помочь выжившим. Когда мы находим подростка живым, я с ним разговариваю. Я не психолог, не могу оказать профессиональную помощь. Но я прошла через это, я знаю, как это, когда у тебя нет выбора и ты живешь в сознании, что не к кому обратиться. Я могу это проговорить с подростком. Я часто слышу советы, что надо просто не грустить и спортом заниматься. Я вижу, что эти советчики искренне не понимают: у подростка нет ресурса заниматься спортом или не грустить. Родители этого не видят, не признают депрессию ребенка, часто боятся пойти с ребенком к психологу, особенно в провинциях, потому что это стыдно.

Проблема ведь в том, что большинство поисковиков находят человека и их миссия на этом заканчивается. А мы на базе инклюзивного центра хотим создать площадку, на которой можно помогать подросткам и их семьям, особенно в случаях, когда подростки в депрессии и подвержены мыслям о самоубийстве. Нужно же разбираться, что у ребенка происходит в душе. Иначе от того, что мы его просто найдем, ситуация не изменится.

Практически каждый случай ухода ребенка из дома так или иначе связан с буллингом. В прошлом году искали двух пропавших девочек. И уже после того, как нашли, я общалась с их родителями и учителями. Две девочки четырнадцати лет оказались в новой школе. Их не приняли ни учителя, ни сверстники. Тут сказались, конечно, особенности менталитета. Девочки пришли из русскоязычной школы в казахоязычную. Были определенные культурные расхождения. Их заставляли носить юбки определенной длины. На уроках прилюдно унижали за макияж, хвосты, нужно было носить только косы. Это происходило при всем классе, с уничижительным посылом. Дома их никто

не поддерживал, родители обвиняли в том, что они сами провоцировали все ситуации. И в один из дней дети ушли. Нашли мы их быстро, в тот же вечер, с помощью полиции. Они даже ночь нигде не провели. Но самое интересное началось на следующий день. Их с родителями вызвали в РОВД на показательную порку к начальнику отдела по работе с несовершеннолетними. То есть все пришло к опять-таки прилюдному порицанию. Я не увидела ни психолога, ни социального педагога. Там были директор школы, завуч, классный руководитель, мамы, которым угрожали штрафами и разбирательствами, и перепуганные девочки, которых после этого дома тоже ждал разбор полетов. Из этого я сделала вывод, кто никакой работы не последует, в причинах никто не станет копаться.

И это относительно хороший конец. Но часто итог буллинга гораздо более серьезный. Месяц назад была совсем трагическая история, когда парень девятнадцати лет повесился в горах, причем готовился основательно, несколько месяцев. После того как мы его нашли, я изучала его компьютер, телефон. Он в свои девятнадцать в переписке с виртуальным другом признавался, что его до сих пор гложет то, что произошло с ним в тринадцать лет. Его за шесть лет до трагедии дико травил одноклассник с группой ребят. Детали мне не известны, но произошло что-то настолько серьезное, что для парня пережитая психотравма стала основополагающей на долгие годы. Он все шесть лет свою жизнь выстраивал вокруг тех событий. Шесть лет с этим жил изо дня в день, даже не жил, а выживал. Он учился в колледже. Хотел поступить в российский вуз, заниматься наукой. Тут еще карантин наложился. Стало понятно, что, скорее всего, планам не суждено сбыться. Поэтому с марта мальчик начал планировать уход. А в мае сделал шаг. С родственниками я тоже разговаривала, они считали, что он справился с той детской ситуацией, перерос, забыл, хотя иногда он в разговорах с ними упоминал. Почему-то они не придали серьезного значения его словам. Сейчас, конечно, они винят себя, что недосмотрели, шесть лет назад не довели до конца, все спустили на тормозах.

Мы с вами живем теперь в разных странах, но система образования у нас общая, наследие советской. В этой системе нет места самому ребенку как отдельной единице. Есть редкие исключения – уникальные педагоги или уникальные директора, которые выстраивают работу школы вокруг личности ребенка, а не вокруг детей как стада. Никогда не забуду, как в конце девятого класса у моей старшей дочери был устроен педсовет перед поступлением в десятый класс. Каждый ребенок заходил в кабинет директора, родителю разрешалось присутствовать. Помню, стоит посередине мой ребенок, вокруг суровые женщины, и директриса заявляет: «Мне ваши таланты не интересны, мне нужны

данные тестирования». Мне стало понятно, что есть наши дети в школе. Результаты тестирования и рейтинг. Все!

А потом в школе поменяли директора, и мы поняли, что та была не худший вариант. Пришла директор – бывший парторг, человек системы с головы до ног. Она сразу начала устанавливать свои порядки. Но делала это, мягко говоря, неинтеллигентно. Дети были в шоке. Она кричала на учителей, учителя потом срывались на детях. Моя младшая дочь училась там же, и она все это рассказывала в недоумении: «Мама, как она может обзывать при нас учителя?» Это было безобразно.

В конце десятого класса моей старшей дочери я поняла, что она не хочет идти в школу вообще никак. В апреле меня вызвали в школу «на разговор», сообщили, что мой ребенок отвратительно себя ведет. Это заключалось в том, что у ребенка обо всем есть свое мнение. Если на нее будут повышать голос, она попросит этого не делать, тогда как реакция других детей – заплакать, уйти в себя. Моя дочь вполне грамотно отстаивает свои границы и просит к себе уважения. Она к этому времени уже работала волонтером в центре инклюзивных программ, там же, где и я, и видела другой мир. Ее возмущало, когда учителя обзывали детей при всем классе за макияж, высмеивали их умственные способности. Первого сентября, например, девочек, у которых блузки были не чисто белые, а с элементами декора, прятали в кустах. Благодаря инклюзивному центру, куда моя дочь пошла волонтером, у нее произошло изменение ценностей, она стала иначе смотреть на понятие педагога, на любого ребенка. Она видела, как работают с аутистами, например, делают все, чтобы включить их в процесс, а в школе делают все, чтобы нормотипичных детей из процесса выключить. И чем дольше она работала волонтером, тем больше ее возмущало то, что происходило в ее школе.

Все кончилось тем, что классная устроила травлю моей дочери и еще двум девочкам, которые тоже имели свое мнение и умели себя защитить. Она подговаривала весь класс, чтобы те писали объяснительные на этих трех девочек, как говорили одноклассники, «даже с выдуманными событиями». Проще говоря, просила наговаривать на девочек. В начале мая у детей шла подготовка к маршу в честь 9-го мая. Было прохладно. Дети были в школьной форме, сверху накинуты куртки. Классная выдернула трех девочек с улицы, завела к директору и, показывая на эти куртки, пожаловалась, что они опять пришли в чем попало. Дальше, по словам девочек, директор начала нести чушь о том, что они портят школу, пошли запугивания в том, что их поставят на учет.

Я позвонила классной, услышала какой-то бред, что моя дочь довела девочку до самоубийства. Я позвонила маме девочки, узнала, что все не так, они дружили, потом поссорились, но умирать никто не собирался. Поток грязи, интриг со стороны классной уже было не остановить. Директор была однозначно на стороне классной. Детей она пыталась «загнобить». Ей это удалось. Когда дочь пришла из школы после той разборки с куртками, на нее больно было смотреть. Она не понимала, за что, почему с ней так. А я не могла объяснить.

Я созвонилась с мамами двух других девочек, и мы пошли в школу выяснять, что происходит. Директора не оказалось. Я поговорила с завучем по воспитательной работе, пообещала за полчаса собрать брифинг во дворе школы, рассказать про буллинг со стороны учителей. Видимо, директору доложили, она приехала. И мы пошли беседовать. Интересно вела себя классная. Пока мы ждали директора, она сто раз прошла мимо нас, даже не посмотрела в нашу сторону. При директоре начала орать, что мы все врем. Выглядело это ужасно. Мне сорок лет, и вот она, эта учительница, стоит и орет мне в лицо. На что я сказала, что не позволю со мной говорить в таком тоне, после чего она убежала из кабинета, хлопнув дверью. Дальше мы разговаривали с директором. Донесли до нее, что своих детей в обиду не дадим, я со своей стороны пообещала использовать все свои журналистские ресурсы. В общем, с горем пополам доучилась старшая в этой школе десятый класс. Самое страшное – я увидела, как моя дочь была обескуражена несправедливостью. Она получила от взрослых совершенно четкое послание: «Ты – никто, твое мнение не важно и вообще ты никого не интересуешь». Ей донесли, что даже в школе можно устроить интриги, что не важно, как ты учишься, можно сделать так, что ты будешь учиться плохо. Ей дружно начали ставить низкие оценки, придирались все, даже те учителя, которые раньше ее любили. Ее могли две недели не пускать на английский, потому что она два раза забыла тетрадь. Оказалось, это такие методы воспитания были у учительницы языка. Это же нарушение конституционных прав, ребенок имеет право на получение образования, даже если у него нет тетради. Я уже не говорю про нарушение профессиональной этики. Я тогда позвонила учительнице английского и пообещала, что сделаю журналистский запрос в Министерство образования, по каким таким методам воспитания работают учителя у нас в стране. На следующий день ребенка, конечно, пустили на урок, но таких некрасивых ситуаций было очень много. Дочка очень глубоко это переживала. Я читала ее переписку с одноклассниками. Они все единодушно писали, что все, что делает классная, – край. Правда, дальше чата эти мнения не пошли. Когда были реальные разборки, дети побоялись вступиться.

А потом в сентябре наш инклюзивный центр открыл школу в партнерстве с двумя другими школами. Получилась инклюзивная школа. Мне в августе пришла мысль, что я не хочу своих детей отдавать в государственную школу. Было такое непреодолимое желание чего-то не делать. В общем, я перевела младшую. Когда ее документы уже были в этой новой школе, она призналась, что очень боялась мне сказать, как не хочет в свою школу, но не говорила, так как запасных вариантов не было. Старшая решила поиграть в героя. Осталась в своей школе. Не хотела, чтобы все думали, что она повесила нос. Гордо пошла в школу, а по вечерам продолжала волонтерить в центре. Хватило ее ровно на три дня. Призналась, что это был слишком сильный диссонанс: видеть с утра, что происходило в ее школе, а после обеда – как все иначе в инклюзивной школе, где адекватные учителя и нормальное отношение к детям. В общем, седьмого сентября она уже училась в новой школе. Последний школьный год она жила в этой другой системе, где совсем другие дети, совсем другие учителя, которые тебя слышат, которым важно от ребят получить отклик. Вообще за этот год пришло много нормотипичных детей, которые перешли в нашу новую инклюзивную школу именно после буллинга. Такая вот нехорошая динамика. Насколько надо быть загнанным в угол, чтобы из обычной школы уйти в инклюзивную?

Контраст настолько мощный, что я с ужасом думаю о том, как каждый день тысячи детей подвергаются буллингу либо являются свидетелями этого, что тоже убивает. Но еще больше меня расстраивают родители, которые говорят: «А нас вообще указками по голове били», «Мы тоже так учились – ничего, выжили». Многие считают, что боевые действия с учителем только укрепляют дух ребенка. Школа – это, по сути, поле боя. Учителя и ученики – по разные стороны баррикад. Но первые всегда побеждают, потому что в нас вдалбливают: учителя нужно уважать, учитель всегда прав. Но ведь нельзя уважать только лишь за принадлежность к профессии. Уважение – это результат поступков. Как я могу уважать учителя, который орет на первоклашку посреди школьного коридора, унижает подростка при всем классе, если для него дети – это результаты тестов? И даже загруженность учителя, его низкая зарплата – не оправдание для бесчеловечных действий. Это не индульгенция. Недавно в стране приняли документ по защите чести педагога[1 - Речь идет об этом документе:]. Такое ощущение, что права и честь в школе есть у всех, кроме детей. Для меня это парадокс. В каждой школе есть психолог, но в массе своей это люди, которые неспособны разбирать конфликтные ситуации, часто даже увидеть их. Проводятся формальные тесты на выявление способностей, склонностей к профессии, а в это время у ребенка в душе ад, с которым он вынужден жить. Именно поэтому я теперь занимаюсь тем, чем занимаюсь.

Поисковый отряд и инклюзивный центр – там я пытаюсь быть полезной. Если я помогу хоть одному ребенку пройти через эти ужасные вещи, я буду считать, что живу не зря.

Советы

Как не допустить самого страшного?

Тема детского и подросткового суицида очень обширная и очень страшная. Ей нужно посвящать отдельную книгу. И много книг уже написано. Ребенок может свести счеты с жизнью по многим причинам: одиночество, проблемы с родителями, череда неприятностей или даже трагедий в жизни ребенка, алкоголь, наркотики, влияние субкультуры, интернет-контента, участие в группе смерти, есть даже такое явление, как суицид «за компанию». Я пишу исключительно про травлю, поэтому мы не сможем рассмотреть все варианты, мы сконцентрируемся именно на том, как не допустить самоубийства ребенка по причине буллинга.

Итак, вы точно знаете, что ребенка травят, вы каким-то образом решаете эту проблему, возможно, вам повезло и удалось найти отклик у учителя и школьной администрации, либо, как в большинстве случаев, вы боретесь в одиночку, возможно, уже перешли к решительным мерам. На любом из этих этапов необходимо следить за состоянием ребенка, чтобы уберечь его от желания не быть.

1. Симптомы

Тут все как в болезни: симптомы, профилактика, лечение. Начнем с симптомов. На что, собственно, надо обращать внимание? На многое.

Ребенок, задумавшийся о самоубийстве, может стать очень замкнутым, отказываться с вами говорить или, наоборот, бурлить эмоциями, болтать без умолку. Скорее всего, вы будете наблюдать резкие перепады настроения. Целый день грустит, лежит с головой под одеялом, не ест. Утром уже весел. Так было у Элины Гаджиевой, помните?

Любое необычное поведение должно обратить на себя ваше внимание. Ребенок может кричать во сне, травмировать себя. Очень часто дети с суицидальными настроениями уже как бы не живут, а выживают и ничего не чувствуют. Они повреждают себя, например, неглубоко режут руки, чтобы почувствовать физическую боль. Самосознанию нужно подтверждение, что жизнь еще теплится.

Вы можете заметить обостренный интерес к теме смерти. Хотя не всегда. Мама Элины вспоминала, что дочь всегда выражала непонимание тех людей, которые сводят счеты с жизнью. Тем не менее бывает и совсем другое поведение. Ребенок может читать статьи, смотреть ролики, связанные со смертью, обсуждать кладбища, похороны, право человека на уход из жизни.

Обычно дети оставляют хоть какие-то «следы» подготовки к смерти в социальных сетях. Помните Марию, которая говорила, как важно читать, что дети пишут на своих страницах, и вообще отслеживать их поведение в интернете? Посмотрите, не присоединился ли ребенок к группе смерти. Изучите его страницу. Это могут быть посты или перепосты изречений на тему смерти, депрессивной музыки. Вообще нужно знать, какую музыку слушает ваш ребенок, какие в этих произведениях слова. Слова из песен, стихов влияли на человеческие поступки испокон веков. Иногда дети напрямую заявляют на своей странице о нежелании жить или о том, «как все достало». Могут оставлять завещания друзьям и иногда пишут об этом в тех же социальных сетях. Могут раздавать друзьям, родственникам вещи, которыми дорожат. Если есть возможность, можно аккуратно поговорить с друзьями, так сказать, «прощупать почву».

Очень противоречивый момент изучения личных переписок, записей в дневниках, о которых говорила мама Элины. В нормальной ситуации это недопустимо. Но когда речь идет о жизни и смерти, все обычные правила меняются. Орать на детей, бить их тоже недопустимо, но если ребенок идет по дороге и на него несется грузовик, вы будете не только орать, а еще и схватите ребенка за шкирку и оттащите от дороги. Так же и с личными записями, перепсками, просмотром истории поиска в интернете. Если есть хоть малейший намек на суицидальные настроения, я за то, чтобы найти способ прочитать, в идеале не травмируя при этом ребенка, конечно, не набрасываясь на него с криками: «Я тут такое у тебя прочитала, ты что сдурел(а)?» Дальше потребуется тонкая, ювелирная работа по смене курса: ориентировать ребенка на жизнь.

Наконец, самый важный знак – что говорит ребенок. Это могут быть такие фразы как: «Лучше бы меня вообще не было», «Всем было бы хорошо, если бы я умер», «Как же меня все достало (эта жизнь достала)!», «Исчезнуть бы совсем», «Скоро все это кончится» и так далее. Да, иногда дети манипулируют. Но лучше взять на вооружение то, что вы услышали, и лишний раз включить бдительность, чем потом жалеть всю жизнь.

2. Профилактика

Профилактика банальная, ничего другого еще никто не придумал: доверительные отношения, то есть такие, при которых ребенок пусть даже не все рассказывает, но хоть что-то говорит. Если отношения доверительные, вы не пропустите ростки нежелания жить. Разговаривайте с ребенком. В идеале с рождения, а не когда он уже на грани.

Очень хорошо, если рядом с ребенком, кроме вас, есть еще взрослые, которым он доверяет. Возможно, в вашей семье сложилось так, что кому-то он доверяет даже больше, чем вам, – сестре, брату, тете, бабушке, учительнице музыки, вашей лучшей подруге или другу. Периодически узнавайте у них: что ребенок им говорит, какое было настроение в ходе последнего контакта.

3. Лечение

Если все-таки суицидальные настроения очевидны, первым делом попробуйте поговорить. В доверительных отношениях это не так сложно. Выразите понимание. Ни в коем случае не обесценивайте его трагедию, не говорите, что только ненормальные хотят умереть. Если у вас были подобные желания в детстве, расскажите об этом. Как это было, почему, что вы чувствовали, что вас остановило и как вы счастливы, что остались и теперь у вас есть такой драгоценный подарок судьбы – ваш ребенок. Возможно, что-то подобное произошло с кем-то из родственников или знакомых. Обязательно найдите истории людей, которые пытались покончить с собой, но остались инвалидами, о таком исходе дети почти никогда не задумываются.

Может быть и так, что доверительные отношения не сложились. Но теперь, когда все зашло так далеко, вы осознаете, что надо что-то делать. А ребенок

уже не пускает вас на свою территорию. Он не знает, как это – рассказывать вам о своей жизни. Вы так никогда не делали. Поверьте, доверие можно вернуть в любом возрасте. Только помните: чем ребенок старше, тем больше потребуется времени. Об этом тоже можно написать отдельную книгу. И самые главные книги уже написаны. Это книги по теории привязанности. Срочно покупайте труды Дж. Боулби или Г. Ньюфелда, слушайте лекции и читайте статьи Л. Петрановской, О. Писарик на эту тему, да просто «загуглите» термин «Теория привязанности». Вы очень быстро поймете, что делали не так в общении с ребенком, и найдете подсказки, как все изменить к лучшему.

Не оставляйте ребенка одного. Если есть возможность, кардинально поменяйте обстановку. Пусть пока не ходит в школу. Просто будет дома, смотрит жизнеутверждающее кино, сидит в ванне, ест мороженое, да ничего не делает, в конце концов. В идеале увезите его куда-нибудь, устройте каникулы. Школа подождет. Жизнь важнее.

Уберите из легкого доступа все опасные предметы или вещества: лекарства, веревки, оружие.

Бесконечно любите ребенка. Говорите ему об этом. Обнимайте, если физический контакт между вами сохранился. Рассказывайте, каким счастьем было его рождение и какое счастье быть его мамой или папой каждый день. Если вы знаете о его неуверенности в себе, о том, что травля уже посеяла в нем нелюбовь к себе и неприятие себя, обязательно говорите, что всегда будете его любить, что бы он ни делал и каким бы ни был. Есть замечательное терапевтическое стихотворение Деби Глиори «Что бы ни случилось». Найдите в интернете. Его, мне кажется, можно читать даже взрослым детям и детям пенсионного возраста. У меня оно всегда вызывает слезы, даже когда дети просят читать его каждый день. Оно как раз про то, как родители (или значимые взрослые) любят детей безусловно.

Ну и конечно, подключайте кризисного психолога. Только проверенного.

Глава 2.

Как работает буллерская среда

Прежде чем мы познакомимся с историями жертв травли, поймем, что они чувствуют, как выкарабкиваются из того, что с ними случилось, давайте послушаем людей, которые просто наблюдали травлю. Они годами учились, жили или преподавали в противоестественной, буллерской среде и по прошествии этих лет сделали определенные выводы. Хочу сразу предупредить, что выводы будут совершенно разные. Я предполагаю, что целевая аудитория моей книги – люди, столкнувшиеся с травлей или желающие ее прекратить. Скорее всего, вы уже настроены примерно так же, как я, и понимаете, что ключевым фактором в недопущении психологического или физического насилия в школе являются взрослые. Учитель, в идеале поддерживаемый школьной администрацией. И родители. Если это так и мои догадки по поводу моих читателей верны, то, скорее всего, некоторые высказывания моих героев в этой главе вам не понравятся, будут резать слух. Но вчитайтесь в них внимательно. Это и есть логика большинства: первый, с кем нужно работать, – жертва. Она себя как-то не так ведет, что-то не то говорит. И если жертву изменить, травля кончится. Так действительно думает подавляющая часть родителей и учителей. Многие учителя вообще не считают травлю чем-то из ряда вон выходящим. Вы встретите подтверждения в этой и последующих главах: «Это нормально в школе. Все так делают. Все через это проходят». Многие люди на постсоветском пространстве до сих пор живут в мировоззрении Спарты. Если ребенок слабый – травля закономерна. Его надо учить стоять за себя. Как только ты покажешь миру зубы, тебя зауважают. То есть опять же, менять надо жертву, ее надо лечить, не больной коллектив, запущенный профессионально непригодным учителем, а жертву.

Самое первое интервью в этой главе я взяла у девушки, уже покинувшей нашу страну. Это именно интервью, не монолог. Я оставила свои вопросы, посчитав, что они важны для понимания логики ее размышлений. Ее история интересна по двум причинам. Во-первых, она сравнивает российскую и американскую школу. Во-вторых, я решила поговорить с ней не просто так. Она оставила комментарии под моим постом в социальных сетях, где я приглашала желающих дать мне интервью. И эти комментарии произвели эффект бомбы. Автор комментариев высказала мнение, что работать надо с жертвой. С ней спорили. Некоторые мои герои потом признавались, как больно им было читать эти слова, и рассказали свои истории, в которых вести себя иначе не было никакой возможности, потому что этому кто-то должен был научить. Я ни в коем случае не осуждаю мнение о виновности жертвы, хоть оно и противоречит моему. Но я хочу, чтобы вы прочли его и поняли логику размышлений большинства. Это мнение – продукт всей нашей образовательной системы.

Есть в этой главе интервью со школьным психологом и полная цитата поста учителя из Азербайджана, из которых вы увидите, как сложно противостоять системе. Когда для тебя как сотрудника школы насилие неприемлемо, ты один зачастую мало что можешь изменить. Во многом это зависит от должности, то есть полномочий, и опыта. Но система почти всегда сильнее одного человека.

А последнее интервью в этой главе – история той самой учительницы, которая помогла нам спасти нашего сына. Пример того, как один человек пошел против системы, вразрез с ценностями всей школьной администрации. Она рассказала о травле, случившейся в ее детстве. И о том, что она делает, чтобы травли не было в ее классах. За многое из того, что она делает, ее не любят. Она совершенно не умеет хвастаться своими победами и просто рассказывает о, казалось бы, само собой разумеющихся вещах. Самым простым языком. Она и победами это не считает. Это работа. Работа, которая состоит в том, чтобы и знания дать, и человеческие отношения в коллективе поддержать.

Мы очень часто слышим от учителей, что они отвечают только за образование. А семья – за воспитание. Это не совсем так. Семья может только умозрительно объяснять, как вести себя в коллективе. Даже на личном примере не покажет, для этого маме или папе пришлось бы регулярно брать ребенка на работу. У учителя же есть нужный инструмент для обучения в действии – коллектив из тридцати человек. Да, если в семье у ребенка преобладает хамство, агрессия и нелюбовь, с таким ребенком непросто. Но правила решают многое. Ради того чтобы быть принятым в группе, особенно если в семье неблагополучно, ребенок будет готов правила выполнять. Учителю остается только эти правила и рамки обозначить и ни в коем случае не нарушать. Гораздо сложнее другое – присутствовать в жизни каждого ребенка. Быть с детьми в состоянии здесь и сейчас, полностью в них. Не жить от звонка до звонка, от отчета до отчета, которыми, что и говорить, наши учителя завалены. Отслеживать любые смены настроения, непонятно откуда взявшуюся агрессию, грусть или замкнутость. И тогда в ответ на удар или тычок учитель первым делом не заклеймит ребенка позором как хулигана, а поговорит наедине, попытается узнать причину агрессии. Ведь любая агрессия – сигнал отчаяния. Что происходит у ребенка дома или в школьном коллективе, почему он плохо владеет собой и вымещает свои чувства на других? Да, для этого надо быть не просто учителем, но и психологом, педагогом, а интерес педагога – ребенок, его цели, его личность. Редко кому из нас удавалось прикоснуться к настоящей педагогике. Я очень рада, что нам с сыном в двух последних классах младшей школы посчастливилось. Мы целых два года росли и развивались вместе с настоящим педагогом.

Интервью с Оксаной,

г. Портленд, штат Мэн

Имя сохранено, предприниматель, 43 года

– Вы дали комментарий к моему посту в Facebook о том, что зачастую жертва сама запускает травлю, и если бы ребенок повел себя иначе, то коллектив изменил бы свое отношение. Это всколыхнуло волну ответных протестных комментариев.

– Я не психолог, поэтому не хочу делать каких-то психологических умозаключений и выводов. Есть мое обывательское мнение. Я сама прошла школу, три мои дочери учились, причем сначала в России, потом в Америке. У моих подруг тоже есть дети, и я всех их вижу. Я могу точно сказать: нельзя делить детей на плохих и хороших. Нельзя обвинять только тех, кто травит. Практика показывает, что часто жертва, переходя из одного социума в другой, тянет за собой свою проблему. Если бы моего ребенка травили, я бы в первую очередь повела его к психологу, чтобы понять, что мы сделали не так. Не нарушили ли мы его границ в ходе воспитания, не вырастили ли мы из него раззяву, который не может себя защитить. Где мы споткнулись? И я бы обязательно ребенка перевела в другую среду, чтобы он мог все начать с нуля. Но я, конечно, не была в этой шкуре.

– Вы не были в такой шкуре, но у вас есть ряд историй из вашей жизни, которые вы привели в пример в своих комментариях и которые сформировали ваше мнение. Расскажите о них.

– Начну со своих школьных лет. Я была достаточно очевидным кандидатом в жертвы. Я из неблагополучной семьи. От нас ушел папа. Меня растила бабушка, я была совершенно не подготовлена к школе, не социализирована. Я была очень другая, и мне было некомфортно. Мне не внушали дома, что я звезда, но контраст я чувствовала. Дети сбивались в стайки, а я – нет. До четвертого класса у меня даже не было подруг. Я пыталась к кому-то примкнуть, но, по сути, оставалась частью некоего броуновского движения.

Были в классе, конечно, и хулиганы. Все по очереди, кто как умел, давали им отпор. Девочки визжали, прятались в туалете. Я пару раз тоже повизжала, поубегала, потом поняла, что мне это не интересно. В какой-то момент один мальчик-хулиган меня попытался задирать, я его одним движением руки отправила через парты в соседний проход между рядами. Он кувырнулся через голову. Я не знаю, откуда у меня взялась сила и как он не расшибся. Как-то он меня в ответ обозвал, разумеется. Но на этом все кончилось. С этого момента за мной не бегали, меня не дергали.

Всех нас так или иначе дразнили. Кто в очках – «очкарик», кто полный – тот «толстый». В детском коллективе это происходит всегда, все дергают всех и за все. Сейчас мы называем это модными словами «троллинг», «буллинг», в наше время это было обычным делом. То подножку поставят, то обзовут. Но при этом все равно мы все взаимодействовали.

В какой-то момент классе в третьем один мальчик, Андрей, стал как-то странно себя проявлять. Он начал на всех нас стучать. У нас, как и у всех в детстве, была эта коалиция – дети против взрослых. Это нормальный процесс отделения детей от взрослого мира и осознания себя взрослыми, имеющими право на что-то. Написали, например, на доске какое-то матерное слово. Жвачку засунули в дверной замок. Никакого криминала. Легкая шалость. Все похихикали. А он шел и закладывал нас.

Поначалу его не особо и трогали. Впервые это ярко проявилось так. Был урок труда. Мы все что-то лепили, строили. А он выкрикнул: «А мы с папой это уже делали». Учительница его сразу назначила помощником. И тут Андрей превращается в директора школы. Начинает ходить по рядам, говорить: «У тебя криво, переделай». Мы все были изумлены. Он каждому из нас сказал какую-то гадость. Это, видимо, для класса стало последней каплей. Может быть, я запомнила этот случай как стартовый, а на самом деле его раньше мальчишки начали задирать. Но я скажу про свои личные чувства. С этого момента я четко начала отслеживать свое личное отношение к этому мальчику и заметила, что весь класс его шпыняет. Кто-то сильнее, кто-то слабее. Мальчишки, конечно, отрывались по полной. Девочки меньше, просто могли сказать: «Фу, отойди», «Ты – параша».

– Может быть, у него в семье что-то было не так и ему хотелось внимания?

– Мне сложно предполагать и прогнозировать, как это могло бы развиваться иначе. Ведь, повторюсь, мальчишки дергали друг друга постоянно. Приходил мальчик с гайморитом, у него висели зеленые сопли, над ним ржали. Но проходили сопли, проходил троллинг. Даже тех, кто считался хулиганами, я не могу назвать исчадиями ада. Но Андрей методично поступал одинаково. Такое ощущение, что сам себе враг был. Когда мы стали постарше и задумывали какие-то проказы, то уже знали, что Андрея надо исключить. Говорили: «Так, этого придурка заприте где-нибудь, чтобы он нас не видел и не слышал». Это говорил не какой-то хулиган-зачинщик, весь класс понимал, что, если мы решим что-то сделать, его надо изолировать. Мы его реально все ненавидели.

Он постоянно водил в школу родителей. Они устраивали нам выволочки. Несчастных этих хулиганов, которые его обижали, разумеется, таскали по педсоветам. Меня это особо не касалось. Я просто была наблюдателем. Но, честно говоря, я была в лагере тех, кто поддерживал эту травлю.

– А что учителя? Вот однажды его выделили на уроке труда, а дальше? Как они к этому относились?

– Этого я, к сожалению, не помню. Помню, что в старших классах учителя уже могли его спросить: «Андрей, ты моя правая рука, так помоги, расскажи, что произошло». Мы все понимали, что он на стороне учителей, что он сдаст нас. Мы ему не верили, не доверяли, никуда его не принимали. Он был изгоем. И сам для этого старался. Он с нами так на пинках и проучился до конца, всю школу. Ему и мел на стул сыпали, и котлету жеваную подсовывали.

– А как он реагировал?

– Вообще он был мальчиком забитым. Я не знаю, что у него дома происходило. Был вроде бы старший брат. Может быть, его обижали. Ему, безусловно, было неприятно. Он постоянно плакал, закрывался, бегал жаловаться к учителям, к директору. Он искал защиты у старших. И это усугубляло ситуацию. Каждый раз, когда он жаловался, запускался известный механизм – приходил какой-то властный взрослый, устраивал разборки всему классу, нас могли всех водить к директору, мы все имели из-за этого какие-то проблемы. Мы автоматически думали, что, если бы не Андрей, у нас бы всех этих проблем не было. То есть он реагировал. Но отпор дать не мог, потому что нас было много. Если бы родители перевели его в другую школу и он поправил бы как-то свое поведение, думаю, у него бы эти проблемы кончились. Да если бы он перестал стучать даже

в нашем классе, перерос бы эту детскую наивность, примкнул бы к нам, скорее всего, про него бы забыли. Ну, может, пару раз бы дернули, а он бы сказал: «Ребята, все, я с вами, никогда больше никому ничего не скажу». Его бы испытали еще пару раз мальчишки, и все бы успокоилось.

Все случаи разные. Но я много ситуаций наблюдала. Вот у меня сейчас подруга растит сына. Ему четырнадцать лет. Родила она его не в юном возрасте, в тридцать лет. И хотела именно сына. Он у нее свет в окошке. Она его назначила особенным, исключительным произведением. И от окружения она требовала, чтобы к нему относились по-особенному, с отдельным подходом, не как ко всем. Причем запустила всю эту историю с детского сада. Постоянно жаловалась на воспитателей, они-де заставляют его делать то, что он не хочет. В садике еще ей пошли навстречу, сказали: «Ну ладно, если он может тихо рисовать во время сна, то пусть». В итоге с таким мировосприятием «все вот такие, а я д’Артаньян» он пошел в школу. А в школе моей подруге сказали: «Знаете, у нас таких тридцать человек, вливайтесь. Если есть проблемы, идите к психологу. У нас тут школа, мы цацкаться не будем».

– Как это отразилось на ребенке?

– Его не травят. Острых моментов нет, но отношения ни с кем не складываются. Сейчас ему четырнадцать, и он постоянно сидит дома за компьютером. В школе учится без особого желания, на тройки-четверки. Мама его от всех отгородила, выделила в особую категорию, так он в этой особой категории и живет. Во что это выльется, неизвестно.

И таких историй много. Когда, вот как у нас с этим Андреем, весь класс ополчается против ребенка, я бы разбиралась с жертвой. Нужно понять, что он такое делает, как он так себя ведет, что это настолько не воспринимается социумом.

– А кто должен разбираться? Жертва же еще не в том возрасте, чтобы все это разрулить.

– Ребенок, безусловно, не разберется.

– Ну а кто тогда в вашем классе должен был отреагировать и все починить? Как вам кажется?

– Ну, все-таки должны реагировать родители.

– А если они такие, как ваша подруга? Или, наоборот, равнодушны, считают, что это проблема ребенка и он должен разбираться сам? У меня очень много таких историй. Довольно часто рассказывают, что вели себя в школе не очень адекватно, потому что дома «гнобили» так, что вообще было непонятно, как себя вести. Что тогда? Замкнутый круг?

– Вот в такой ситуации нет какого-то ответа и нет рецепта.

– А ответственность учителей вы здесь не видите?

– Каких учителей? Российских? Когда мы с семьей поменяли страну, то были в огромном приятном шоке от того, насколько здесь педагоги – действительно педагоги. Они заинтересованы в каждом ребенке и в климате. Здесь нет замкнутых сообществ. Здесь вообще нет этого класса в тридцать человек. Здесь огромный пул в две тысячи человек. Две тысячи травить тебя не будут. Здесь школы совершенно другие.

– Если бы ваш Андрей приехал из России и попал в американскую школу, какой был бы сценарий?

– Здесь у школы более широкие полномочия. Школа стоит на страже интересов ребенка. И если у ребенка происходит что-то в школе или даже в семье, ему есть куда идти. Он может об этом рассказать. Если школа, поговорив с родителями, не находит никакого решения, она может предпринять какие-то действия – направить ребенка к психологу, а психологи тут действительно работают, и они эффективны. Здесь тоже дети попадают в плачевные ситуации. Но здесь совсем другие учителя. В России такие учителя, что они через одного первые содействуют травле.

– Так все-таки в ситуации с Андреем в вашем классе виноват был мальчик, который никак не мог сообразить, что нужно поменять поведение? Мог ли мальчик что-то действительно изменить в том возрасте и в том самосознании?

– Мне кажется, в нашем случае учительница не сделала ничего криминального. Любой другой ребенок предложил бы пластилин раздать, еще как-то помочь.

А этот начал расхаживить, всем говорить, что у них не так. Возможно, если бы все ограничилось этим одним случаем, все бы забыли через три дня. Но там уже запустился механизм, и дальше каждый его промах работал против него. Любое его действие не позволяло этому механизму остановиться. Учителя только подливали масло в огонь, используя ситуацию в своих интересах. Они знали, что в классе есть стукач, и пользовались им, а как потом этому стукачу живется, они не задумывались.

– Получается ведь, что доверия между детским и взрослым коллективами – ноль.

– Да. Я и сейчас очень отрицательно отношусь к учителям в России. Мои дети учились в той же школе в Тольятти, где училась я. У меня в детстве были проблемы с учителями. И мне всегда говорили: это потому что я была трудным подростком. В итоге я уже стала взрослой, мамой, и я видела то же самое поведение учителей. И я, как мама, не могла даже встать на сторону этих учителей, поддержать их. Может быть, сейчас в школы приходят другие кадры. Моим детям по двадцать лет, и им еще достались учителя того разлива, что и мне. У моих детей было всего два хороших учителя. У двойняшек это была классная. Она про каждого ребенка говорила: «Он очень интересный». У нее все дети были интересные. И у старшей дочери была хорошая классная в старших классах. Все остальные – просто мрак. То есть да, тут я полностью соглашусь, доверия между учителями и детьми – ноль. И в этом разница с Америкой гигантская. Здесь школа – это безопасное для детей место. Есть анонимные кабинеты. Есть куда податься. Школа может рапорты составлять в различные органы. И не в карательную сторону, как это в России передергивается. В России подростки понимают, что если на родителей пожаловаться, то из семьи заберут, отправят в детдом. В Америке иначе. Здесь с семьей будут работать до последнего. Есть доверие между всеми сторонами. Нет формализма и мясорубки.

– А ваши дети в России сталкивались с травлей?

– Да, они были на стороне агрессоров. Предыстория такая. К дочкам в школу пришла девочка-мусульманка из очень религиозной семьи. Она ходила в хиджабе. Я лучшего претендента на звание «чурка» или «не такая как все» даже представить не могу. Тем не менее она влилась в коллектив и спокойно училась.

А через пару лет, в шестом или седьмом классе, пришла девочка армянка, причем абсолютно европейская. По большому счету, девочка и ни при чем. Но она была отличницей по русскому языку. Да и вообще по всем предметам она была круглой отличницей. Однажды учительница кому-то делала замечание и сказала: «Вот приехала девочка, у нее русский язык даже не родной, а она его знает лучше, чем вы все». Это все, бомба. Девочку, что называется, взяли на карандаш. Мои дети приходили и рассказывали, что она выходит к доске, и учительница прямо ей подмахивает. Даже если она запинается, учительница ее вытягивает. А остальные выходят – их учительница валит. То есть дети отмечали очень предвзятое отношение. Разумеется, дети назвали ее «чуркой». Ее перестали принимать, отовсюду вышвыривали, бойкотировали, писали про нее всякое в подъезде. Причем в основном девочки. До физического насилия не доходило, никто о нее окурки не тушил, но травили психологически.

– А вы что-то своим детям говорили по этому поводу?

– Нет. Я была на их стороне и тоже считала, что это несправедливо. Я, конечно, не призывала девочку травить. Но я прекрасно понимала, почему они это делали.

– А после переезда, в Америке ваши дети сталкивались с буллингом в школе?

– Нет. И они постоянно говорили, с первого дня, что им очень нравятся учителя. У них всегда можно переспросить, пересдать. Любой учитель идет навстречу. Все можно исправить, улучшить, было бы только желание у ребенка. Родители здесь вообще не включаются. Здесь главное, чем родитель может помочь, – это никак не вмешиваться в процесс обучения. Любые сложности с учебой дети решали сами.

– А как же «Тринадцать причин почему»? Сериал не отражает действительности американской школы?

– Я только запомнила, как мои дочери начали смотреть и сказали, что ерунда какая-то. Нам досталась прекрасная старшая школа. Хотя она и государственная. Моим детям помогли с языком. Их ассимилировали. Все дети оказались очень адекватными. Мы, правда, живем в довольно прогрессивном штате. Не могу сказать обо всей стране.

История Александра,

1996–2007 годы (7–16 лет), г. Экибастуз

Записано на основе постов от 14.01.20, 15.01.20 и 17.01.20 с личной страницы в Facebook

Психолог-психоаналитик, 30 лет, г. Алма-Ата

Имя сохранено

Часть 1. Уродующая среда

Одно из ключевых событий моей жизни случилось в восьмом классе. Тот год вообще оказался переломным во многих отношениях. Но обо всем по порядку.

К первому классу я совершенно не готовился, был полным болваном (самое подходящее слово) и вступительное собеседование прошел соответствующе – меня определили в «В»-класс. О том, что под литерами скрывается какая-то разница между учениками, я не подозревал, и мне никто не сказал об этом. Взяли в школу, ну и хорошо.

Когда не с чем сравнивать, то все первичное становится данностью и воспринимается нормой. Уровень успеваемости одноклассников, их поведение, их мотивированность – все норма. Мы невольно ориентируемся на окружение. Читаю я, допустим, шестьдесят слов в минуту – лучше, чем большинство класса, – все прекрасно. Можно быть спокойным. Неважно, что где-то там какие-то дети читают условные сто. Я о них ведать не ведаю.

Потому-то много значит хорошее образование. Среда. Город. Культура. Идеология. Все, что человек воспринимает и с чем взаимодействует. В лицее было бы еще лучше. В столичной гимназии еще благоприятнее. А в финском школьном учреждении вообще замечательно. Где мы живем, что едим, какие места посещаем, с какими людьми взаимодействуем – мы все можем принимать как данность, не подозревая, насколько это не просто влияет, но буквально определяет нас. С годами мы составляем представление о своей среде, и если мировоззрение не ограничено, то также начинаем формировать его о других средах. И хотя сравнения не всегда корректны, познание в принципе базируется на сравнении.

И только когда приходит более или менее адекватное понимание своего местонахождения, возникает вопрос «Что делать?». Мы стремимся удержать зоны комфорта, ведь мы уже адаптировались, – и в то же время ищем лучшего (если сравнение с другой средой было не в пользу нашей). Новое привлекает, но порождает страх – такова суть внутреннего конфликта. Соответственно, всех людей можно поделить на две категории:

– те, кто решается пойти навстречу страху, имея внутренние ресурсы на его преодоление;

– те, кто выбирает понятное, известное, безопасное, предположительно не имея ресурсов на преодоление страха (главным образом не имея уверенности в себе).

Понимание того, что я учусь в худшем классе в школе, стало приходить на третий или четвертый год обучения, когда начались различные конкурсы, соревнования, олимпиады, что само по себе есть вынуждение к акту сравнения и стимулирует борьбу за лучшую оценку. Если бы у всех классов был один учитель или они все были общие, то мы бы поняли разницу раньше. Но до пятого школьники почти все время наедине со своим классным руководителем, который их, как родитель, любит безусловно, не сравнивая и не порицая.

Мы начали слышать о нашем негативном отличии от учителей начальной школы – физкультуры и музыки, тех немногих, что работали с разными классами. «С вами невозможно работать», «Как приходите вы – так сразу руки опускаются», «Вот с «А»-классом так приятно работать», «Я не начну урок, пока вы не успокоитесь», «Мы отстаем от программы. С другими классами мы уже на две темы впереди».

С одной стороны, это непедагогично, разумеется. С другой стороны, правдиво. Еще одна дилемма: стоит ли твердить детям об их «плохости»? Из-за этих посланий мы злились и бунтовали еще больше, исходя желчью к «ботанам» ашникам, но о своей позиции в среде мы наконец составляли адекватное представление.

Эта ненависть к тем, с кем нас негативно сравнивают, – естественная защита, препятствующая положительным изменениям. Да, логика учителей понятна. Они рассказывали нам об атмосфере в «А»-классе («Б», кстати, всегда были середнячками, как и задумано, поэтому их я не упоминаю) для того, чтобы у нас возникла мысль: «Они дисциплинированные и прилежно учатся – их любят. Значит, чтобы меня любили и хвалили, мне тоже надо быть дисциплинированным и стараться учиться».

И это ошибка, которую не понимает огромная масса учителей, как минимум на постсоветском пространстве. Теперь я, как психолог, бывший некогда ребенком в таком «отбросном» классе, могу сказать, что логика у детей возникает обратная: «Нас ругают из-за этих ашников, потому что они дисциплинированные и учатся. Черти конченые. Если бы их не было, то нас бы не ругали. Ни за что не буду таким, как они. Задроты».

Да, это жутко тупо, но ведь тоже логично. Для того чтобы стать лучше, вовсе не обязательно стать лучше других. Можно всех других сделать хуже. Не обязательно худеть самому, можно откормить своего партнера – частая история.

И мы оставались в роли антагонистов при своих ценностях. А когда перешли в старший блок, где нас стали сравнивать на постоянной основе, то и вовсе демонизировали «А»-класс, покрыв множеством печатей, позорных атрибутов и тысячами обесценивающих насмешек. Шла негласная война. И благо, что мы постоянно учились во вторую смену (даже в старшем блоке, являясь, по-моему, единственным настолько взрослым классом второй смены), в то время как «А» всегда в первую. Мы не пересекались, и противостояние было, по сути, ментальным.

А что я? В первом-втором классах я был безусловным солдатом нашего взвода. Исполнительность – сто процентов. Критическое мышление – ноль.

В 1999 году бабушка меня забрала в Александровку, где я попал в самый слабый класс в сельской школе – 3 «Ш». Настолько слабый, что даже с моим уровнем подготовки учился на «отлично». Там я очень прикипел к чтению, буквально заразился им. Быть отличником мне понравилось. Жажда, порожденная дефицитом любви и признания, уже тогда мучила, и успехи в учебе позволяли мне получать желанные купоны одобрения.

Поэтому после третьего я решил не снижать планку и, вернувшись через год в Экибастуз, снова пошел в свою школу. Директор, посмотрев на мои оценки за год, поняла, что я стал старательным, и предложила мне самому выбирать класс. Мне понравилось учиться, но я все еще был солдатом «В»-взвода, к тому же – пресловутая зона комфорта, знакомые и искренне любимые друзья.

Ко всему прочему, в «В» мне было легче получать любовь и одобрение, так как я был одним из немногих, кто старался учиться. В основном учились во всем классе мы вдвоем с Гульмирой Бадельхановой.

Еще один важный вывод о роли аффектов. Они предшествуют любым убеждениям и всему рациональному. Без критического мышления человек следует только чувствам. Мне важна была не польза от учебы в «А», мне нужно было принятие, похвала. В «В» это казалось более доступным. Вот если бы мне тогда объяснили и убедили, что и в «А» это будет, я бы, наверное, перешел.

Но я был предоставлен сам себе. Поэтому – снова «В». В старшем блоке классные руководители у нас менялись каждые полгода. Мало кто выдерживал. Никто не хотел нас брать. Часто учителей доводили до слез. Наши «передовики» могли даже воровать вещи у учителя. Постоянные срывы уроков, драки, прямая конфронтация с учителями, жестокий буллинг, постоянные разбирательства с директором и участковым. Одним словом – анархия.

Я игнорировал творившийся на уроке хаос и продолжал учиться. Мне нравилось держать самообладание и обособленную позицию. Наши буллеры-переростки меня не трогали, ведь я был коренным. Свои издевательства они практиковали на новеньких, которые у нас были часто и в основном ненадолго. Я не знаю, насколько глухим, глупым или безразличным родителем нужно было быть, чтобы оставлять новенького в нашем классе, не замечать того, что с ним происходит.

Каждый новенький подвергался сначала легкой проверке провокационными оскорблениями, в том числе прямо на уроке, унизительными выкриками. Затем толчками на переменах. Затем бросанием предметов на уроках. Если реакция была слабой, то унижения только росли, доходя до сильных побоев и вымогательства денег. Последнее называлось «поставить на счетчик». Причиной служили слова или действия «не по понятиям». По понятиям быть правым было в принципе невозможно, ибо докопаться можно было до любого слова, поэтому правы были изначально буллеры. Если денежный откуп не обеспечивался, следовала новая серия побоев и угрозы сексуального унижения. Без преувеличений, друзья. Я очень хорошо понимаю ситуацию с насилием в провинциальных школах. Если не устанавливаются и не поддерживаются нормы и правила, именно к этому приводит естественная динамика поведения тех, кто увлекается травлей. Безнаказанность открывает новые возможности, градус повышается, и наивысшей точкой всегда является сексуальное насилие, точнее, унижение.

В масштабах школы также существовала своя буллерская структура. Самые униженные ребята выводились из школы и «обрабатывались» ребятами постарше, иногда и вовсе пришлыми. Решить все могла только «пряга». Это старшие, которые могли прийти и пообщаться за кого-либо. Старших всех знали, и у них тоже были ранги. У кого круче пряга, тот больше мог себе позволить.

«Девочковая» среда отличалась несильно. Драки и буллинг тоже присутствовали, хотя и без вымогательств.

Я не участвовал во всем этом. Ни в какой роли. И не защищал. Никаких шансов. У меня не то что «пряги», родителей-то не было. Никто за меня не заступился бы в случае давления. Поэтому я просто учился и был рад тому, что не трогают меня.

Учителя это видели и спрашивали, иногда на чувствах, со злостью, после очередного скандала с нашим Зеброй (на 2 года старше нас был) или Танких: «Скуртул, ну ты-то что делаешь в этом зоопарке? Переходи в «Б» или «А». Здесь же никто не учится». Такие слова привлекали внимание класса. Это ведь прямое негативное сравнение. Меня выделяли и хвалили, а их ругали. Им это не нравилось, и в мою сторону могла полететь неприятная фраза: «Да-да, иди к этим маменькиным деткам, Санёк». В такие моменты я желал лишь, чтобы учитель побыстрее сменила тему.

Уйти – значит стать предателем. А это плохо. Это не по понятиям. Это конкретный повод обратить на себя гнев травителей и стать объектом унижений. Нешуточных. Без возможности их как-то разрешить.

Часть 2. Исход овцы

Итак, я учился, или, скорее, пытался учиться в предельно неуправляемом и криминальном классе. Школа наша была одной из первых с конца, так что наш состав мог посоревноваться за первое место по опасности в городе. И в этом, надо признать, тоже была своя крутость.

Успеваемость у меня была хорошая по всем предметам, но с особенной легкостью мне давался русский язык, так как я очень много читал, что позволило развить чувство языка, которое помогает писать без ошибок, не зная правил грамматики и синтаксиса.

И кто бы мог подумать: я любил писать сочинения! Самое сложное и нелюбимое большинством учеников задание было моим коронным. Возможность хоть на несколько часов побывать в роли тех, кого я читал. Мне доставляло удовольствие продумывать метафоры, подбирать меткие сравнения, передавать чувства. А еще я злоупотреблял сложносочиненными предложениями. Для меня было вызовом выстроить целый ряд мыслей в одно предложение таким образом, чтобы читатель, не делая значительных пауз, прокатился по виражам литературных приемов.

Один абзац мог состоять из одного предложения. Мне нравилось это эпистолярное кунг-фу. А вот Лариса Дмитриевна журила слегка за то, что перебарщиваю. Но в целом любила меня и однозначно выделяла. Она-то, в силу своего искреннего романтического неравнодушия, и окажет то важное и, не побоюсь этого слова, судьбоносное влияние. Лариса Дмитриевна была учителем русского языка и литературы пенсионного возраста. Миниатюрная, с ярко выкрашенными в рыжий цвет волосами, идеалистичная, принципиальная, требовательная, но справедливая женщина в прагматичной, никогда не запоминающейся одежде. Вне сомнений, она любила свои предметы, и оттого ей было вдвойне больно преподавать нашему классу. Хотелось сквозь землю провалиться, когда наши дегенераты прямо вставали на дыбы и матерились в лицо в ответ на ее острые замечания. Эта хрупкая старушка стойко переносила тяготы.

Именно она была классным руководителем «А»-класса. Наш «В» передали ей в начале седьмого учебного года (до этого нас пыталась учить Нина Николаевна, еще более пожилая учительница), и уже на второй месяц учебы она предложила мне перевестись в ее класс. Я, не раздумывая, отказался. Кроме наших понятийных моментов, опасности получить клеймо предателя и последующей травли, были и вполне обычные, не менее весомые контраргументы: я там никого не знал и, судя по постоянным отзывам учителей и школьным соревнованиям, ребята там на порядок умнее. Сложно со всех сторон, как ни крути. Зачем мне это надо? Не-не, спасибо, я тут постою.

Она очень огорчилась моему резкому и однозначному ответу тогда, я это почувствовал по ее реакции. И это доказывало, что она действительно неравнодушна ко мне. А это, знаете ли, сразу плюс десять баллов к доверию в моем случае.

В течение всего учебного года она иногда говорила мне о рациональности перехода, что это на пользу и так будет лучше. Не публично, а наедине. Я оставался непреклонным. Но зерно сомнения она посеяла. Каждый раз, когда срывался очередной урок, особенно у учителей, которые мне нравились, я чувствовал явное недовольство, и в голову, разумеется, приходила мысль, что, возможно, в «А» такого нет. «У нас все ребята тянутся. Более сложные материалы проходят. Больше успевают. И дружны меж собой», – вспоминал я слова Ларисы Дмитриевны, но все еще не решался.

Еще одним значимым аргументом против перехода была Тамара Евгеньевна – самая известная, авторитетная, авторитарная и грозная учительница школы, которую боялся и уважал даже директор. Она преподавала в «А» математику. Ее знали все, даже те, кто у нее не учился. Но ужас учеников от ее уроков тихо и зловеще расползался по школе, словно репутация уроков Северуса Снегга.

Начался восьмой класс. Видимо, пользуясь рекреационным окном в атмосфере класса, образованным летними каникулами, Лариса Дмитриевна решила взять меня напором и в первую же неделю стала предлагать мне перевестись, подкрепляя аргументами других учителей. Она обещала, что переход будет спокойным и мне не стоит переживать о том, как меня примут. Я колебался.

– Саша, просто походи пару недель и посмотри, как у нас проходят уроки, как ребята учатся. Если не понравится, то вернешься. Спрашивать тебя учителя

не будут, я уже со всеми договорилась.

Я ответил, что не знаю и надо подумать. Идти туда, где будет сложнее, – не очень-то хороший стимул. И тогда она прибегла к самому мощному оружию. Тот день мне врезался в память так, что я его помню словно вчерашний.

Первым уроком был именно русский язык. После звонка Лариса Дмитриевна зашла в класс, провела вступление, дала задание и неожиданно, но тактично попросила меня выйти из класса. С недоумением я вышел, следом и она.

– Послушай, я знаю, ты боишься математики и Тамары Евгеньевны. Но зря. Поговори с ней, послушай ее, а потом решай. Пойдем.

Я в прострации, но следую за ней. Мы идем по временно опустевшим и утихшим рекреациям мимо кабинетов, за которыми слышны голоса учителей, гул классов, редкий смех. Спускаемся на второй этаж, где в центре находится кабинет грозы нашей школы. Здесь Лариса Дмитриевна оставляет меня у стенгазеты и уходит. А из своего кабинета выходит ОНА.

Репутацию Тамары Евгеньевны очень значимо дополняла ее внешность – мощная, грузная и грозная женщина с суровым взглядом. Если у меня попросят ассоциации на ее образ, то я назову Урсулу из диснеевской «Русалочки» и Джаббу Хатта из «Звездных войн». Шла она неторопливо, переваливаясь, шла на меня. Она не шла, она НАДВИГАЛАСЬ!

Здесь стоит отметить, что я ни разу до этого не общался с ней. И большинство моих ожиданий были надуманными. Как раз против них Тамара Евгеньевна очень ловко сыграла. Второе удивление утра – она мягко и спокойно начала со мной диалог. Пересказала положительную характеристику, данную Ларисой Дмитриевной, пользу от обучения в «А» и как мне может быть там здорово. А завершила точной интерпретацией моей позиции с метким и емким контраргументом:

– Вот ты учишься хорошо в «В»-классе. Но ведь все относительно. Легко быть молодцом среди овец, а на молодца и…

Здесь она делает красноречивую паузу, предлагая закончить мне эту пословицу, которую я, на удивление, на тот момент ни разу не слышал.

– …овца?.. – неуверенно завершаю я.

– Да! Вот видишь, ты все понимаешь. Давай приходи завтра уже в «А»-класс и позанимайся в своем темпе, никто тебя не гонит.

Наконец, скрепя сердце, я так и сделаю.

Часть 3. От ненависти к любви

У известного изречения Аристотеля «От любви до ненависти – один шаг» есть менее известное, но более важное, на мой взгляд, продолжение: «От ненависти до любви – долгая дорога».

Годами нас, несмышленых и трудных детей, еще больше убеждали, что мы несмышленые и трудные по сравнению с другими, умными и воспитанными. Годами наша психика защищалась от этих нападок, огрызалась ответной агрессией, защищалась, обесценивая противников, объединяя коллектив в ячейку недоброжелателей «хороших» детей. Единственное положительное, что было в данном методе, – учителя, словно политтехнологи, непроизвольно дали нам общего врага, ненависть к которому сплачивала коллектив.

Как часть ячейки, я годами был приверженцем нашей идеологии реагирования. Саркастичным представителем лагеря, которому иногда удавалось быть в чем-либо лучше наших врагов. Гордые своей униженностью, мы не подозревали о привязи к постоянному сравнению. Обесценивали, обесценивали, да недообесценивали до конца, ибо при любых соревнованиях, будь то интеллектуальные игры или спорт, исходили больной желчью, а редкими победами пытались самоутвердиться публично самым постыдным образом. Примат силы. Одним словом: обезьяны, троглодиты, варвары.

И вот теперь я – часть коренного состава, ветеран односторонней войны, львиная доля умственной ударной силы ущербных – перехожу во вражеский стан. Тем самым представ лицом к лицу со своей ненавистью. Все это я описываю для того, чтобы вы понимали масштабы и значимость события, а также мои субъективные ощущения.

Лариса Дмитриевна меня настраивала на хорошее как могла. «Я говорила с ребятами о твоем переходе. Они очень рады и ждут тебя. Ты легко вольешься в коллектив». Мне слабо в это верилось. Точнее, нисколько. Но если будет поспокойнее, чем у нас, то уже будет не зря. «А»-класс, в отличие от нашего, был стабильным по составу. Крайне редко из него кто-либо уходил и еще реже кто-либо приходил.

Я понимал, что Лариса Дмитриевна не просто сообщила детям о моем переходе, но и провела подготовительную воспитательную работу: мол, придет хороший мальчик Саша, старается учиться, но у него есть проблемы в семье, так что будьте с ним подружелюбнее, не обижайте и т.д. У нас подобная настройка всегда вызывала обратную реакцию, поэтому я ожидал лучей презрения в свой адрес. «Чего это я должен быть дружелюбным к этому кексу из „В“?»

И вот день Х настал. Мне страшно, и мысли калейдоскопируют в голове с лихорадочной частотой. Зайдя в школу, вместо привычного 26-го кабинета я иду в 35-й, тот самый кабинет русского и литературы. Парты здесь чистые и более качественные. Ряды ровные. Кабинет светлый и уютный. Старые стулья с округлой спинкой. Две большие доски. Теперь этот приятный кабинет и мой, в отличие от нашего «ушатанного», где парты легкие, донельзя исписанные, никогда не стоят ровно. Простейшие угловатые стулья. Ничего лишнего на стенах и в единственном шкафчике. Полигон борьбы, а не кабинет.

Ну вот, из-за меня еще устроили мини классный час, так как все ученики сидят на своих местах, будто уже урок, хотя до первого звонка больше десяти минут. Лариса Дмитриевна ловит меня на входе, очень кратко меня представляет и просит сесть за последнюю парту: «Потом уже определим, где и с кем будешь сидеть». Дети сидят абсолютно спокойно и улыбаются мне. Я удивлен, но иду в конец второго ряда.

Как только сажусь, ближайшие ребята разворачиваются, чтобы поздороваться отдельно или просто с улыбкой посмотреть на меня. Теперь я явственно чувствую тепло и доброту. Вряд ли об этом их просили. Неужто они в самом деле настолько хорошие?

Оказывается, мини классный час организован не из-за меня, судя по тому, как он проходит. Нет, это стандарт! В то время как у нас плановый классный час, который надо проводить раз в неделю, редко удавалось организовать в принципе, здесь каждый учебный день начинается с короткого общего сбора!

Обсуждаются актуальные вопросы, посещаемость, расписание уроков и в целом настрой. «Серьезно? Такое возможно? Они действительно так ходят и любят это сознательно?» Я не мог поверить своим глазам.

За пять минут до урока Лариса Дмитриевна всех отпускает. Как я позже узнаю, такой практики на постоянной основе нет ни в одном классе. На перемене ко мне подходят многие и ненавязчиво, как-то естественно знакомятся. Все открыто улыбаются, глядя на меня. Это и есть дружелюбие? Я замечаю, что после представления они сразу переводят разговор на какую-то обычную тему, чтобы лишить меня чувства неудобства из-за того, что я новенький. Типа: «В волейбол играешь?» – или сразу шутки: «Не садись на матеше с Z, она дуб дубом», а Z откликается тут же: «Сам ты дуб! Попроси еще списать!» – а мне улыбка. Это и есть симпатия?

Весь мой безмерный страх перед новыми одноклассниками сразу улетучился. Черт возьми, за пятнадцать минут! Я и в самых фантастических снах не ожидал бы такого комфорта!

И мы дружно двинули на первый урок. Конечно же, это была та самая математика у той самой, которую всуе не поминают. Если в расписании у нас была математика (точнее, алгебра или геометрия), то почти всегда первыми уроками. Мы говорили: «Чтобы сразу отмучиться». Еще один признак привилегированного положения Тамары Евгеньевны. Не ей назначали расписание, она его себе сама писала, а потом других подстраивали под нее. Да и вообще она в пятой школе преподавала потому, что это была ближайшая к ее дому школа.

Далее мое состояние крайнего удивления только усиливается. В кабинете никого, звонка еще нет, но все сидят по своим местам, приготовились и НИКТО, ни один человек не то что не выходит из кабинета, но даже не встает из-за парты! Будто учитель уже здесь и звонок был! Я молча за этим наблюдаю, пытаясь не позволять своим глазам улезать на лоб.

А после звонка ребята сами прекращают спокойные разговоры, что вели между собой. Учителя, напоминаю, до сих пор нет в кабинете! Это и есть культурный шок.

Немного о кабинете Тамары Евгеньевны. Ну, он лучший в школе, разумеется. Лакированные блестящие столы из темного красивого дерева. Изящные деревянные стулья, среди которых не было ни одного, в спинке которого не хватало бы реек-перегородок. Портреты математиков-философов на стенах, цветы на подоконниках, большой аквариум с рыбками в дальнем левом углу, мощная доска на подъемном механизме. Над ней и над всем классом возвышается качественный длинный стенд почти во всю стену с маленьким портретом Ломоносова в левой части и цитатой большим шрифтом: «Математику уж затем учить надо, что она ум в порядок приводит».

О да-а-а! Я буду смотреть на эту надпись в течение следующих четырех лет с первой парты центрального ряда. Я буду смотреть в лицо Михаилу Васильевичу, в его глаза, рассматривать белый аллонжевый парик и пытаться понять природу его любви к этой треклятой математике.

Дело в том, что как раз перед моим переходом класс решено было сделать математическим. И нас (теперь уже нас) буквально кинули на растерзание Тамаре Евгеньевне, которая будет вбивать в нас математику и в хвост и в гриву, правдами и неправдами, изредка лаской и нередко матерщиной, приравняв знание математики к понятию судьба так, что мы исписывали десятки тетрадей, не спали перед контрольными, писали диктанты по формулам и чуть ли не зиговали при произнесении теоремы Виета, отхаркивая с кровью мел из легких, когда после экстатического штурма очередной сверхнеординарной системы уравнений (которую, несомненно, в других школах не проходят) исписывали доску со всех сторон, не оставляя живого места, судорожно стирая начало решения, выводили искомые, перепроверяли и, тяжело дыша, с желанием аплодировать, завершали.

Тамара Евгеньевна не алгебре учила с геометрией, а разыгрывала катарсические симфонии на уроках. Она была (а может, доселе остается) злым гением перед своими миньонами, который с фанатичностью излагает гениальнейший план захвата мира. Только дьявольского смеха в конце не хватало. Кроме шуток, на подоконнике у нее росла крапива, которой она грозила девочкам, чьи животы были открыты.

О Вселенная, я отдельно по урокам математики могу написать тысячу и одну историю! Об искренних истериках из-за искренней веры в нас, об украинских анекдотах для разрядки, о том, как мыли полы после уроков в ее кабинете, об импульсивных выходках, о перлах в речи, об отношении ко мне, о ее

знаменитой собачке Боне, о настоящих тяжелых понедельниках, когда было по три урока математики, о том, как мы занимались математикой на всех уроках и нас постоянно ловили на этом, о подготовке к ЕНТ[2 - Единое национальное тестирование – система оценки знаний выпускников, применяемая в Республике Казахстан.], о факультативах, о наших выходках с журналом, о том, как она своих пятиклашек «воспитывала», оставляя в углу на НАШЕМ уроке… В общем, это был сложный, невротичный, приправленный насилием, но яркий и, как положено, чувственный роман на протяжении четырех лет.

Урок начинается, и я в шоке от того, как быстро и как легко ребята отвечают на задания Тамары Евгеньевны, как лихо решают, причем все!

Как и уговаривались, меня она не трогает ровно две недели, мило и по-доброму хваля за сущие пустяки. А потом она посчитает, что во мне есть потенциал, просто я ленивый. Поэтому примется меня гонять строже многих.

Человек она претенциозный и с очевидно авторским подходом, потому на ее уроках у класса своя рассадка, с учетом способностей и ее личной надежды на детей. Прямая классификация. Кто проявляет мало рвения, тех подальше назад и правее к стене. Меня, как уже упомянул, она сажает на первую парту второго ряда. На первый вариант. У меня всегда было хорошее зрение. Поэтому с первый парты я могу буквально считывать микромимику ее лица, когда после фразы «К доске пойдет…» она ведет пальцем по журналу, где четвертым с конца был Скуртул, сразу над Суховой.

В общем, попадали мы феноменально, и часто было вовсе не весело. Но зато теперь, Тамара Евгеньевна, я благодарен Вам за такой ворох ярких воспоминаний, который не дал ни один учитель.

А что «В»? Поначалу, завидев меня в школе, в мою спину летели обидные «Кидала» и «Предатель». Но новая среда мне настолько понравилась, что меня они нисколько не задевали.

«А»-класс обаял меня чистотой, дружностью, искренностью. Ориентированность на учебу была не в пример выше. Следовательно, и отношение учителей намного лучше. Уроки проходили… ну, как уроки! А не как сплошной кавардак с ором и драками. Я почувствовал, что мое место здесь. Я понял, что ашники никогда не чувствовали противостояния с вэшниками. Они самодостаточно учились, а мы

в «В» боролись с ветряными мельницами.

До перевода у меня никогда не было любви к «А»-классу. Была только ненависть. Да, она была рьяной. Но и совершенно слепой. И благодаря прозрению я очень быстро прошел путь, обычно долгий, от ненависти к любви.

И я очень благодарен всем ребятам без исключения за то, что приняли меня. Я вас люблю! Очень Вас не хватало, Тамара Евгеньевна! Жалею, что не перешел раньше. Знаю, что Вы не считаете нас дружными, но мы были таковыми, поверьте тому, кому есть с чем сравнить.

Можно с уверенностью сказать, что если бы я тогда не перешел, то точно не был бы тем, кем являюсь сейчас. С вероятностью в девяносто девять процентов я бы ушел из школы после девятого класса, как практически все вэшники. Класс «В» будет расформирован. А значит, никакого мне первого высшего, никакого второго и подавно. Иной, совсем качественно иной круг общения, и далее по экспоненте.

И хоть Тамара Евгеньевна ловко сыграла добродушного человека, а потом подтвердила самые ужасные слухи, я все равно благодарен ей и в особенности Ларисе Дмитриевне. Я до сих пор переосмысливаю тот переход, и переоценить его крайне сложно. Благодаря искреннему неравнодушию и вере в меня она буквально спасла меня от безнадежной среды загнивания, дав путевку в лучшую жизнь. Это будет только началом моих трудов и стараний, но самое главное, что оно случилось.

История Александра, 1993 год (10 лет), г. Москва

Рассказывает сам Александр, директор по персоналу, 36 лет, г. Москва

Имя сохранено

У меня есть несколько историй, которым я был свидетелем и из которых сделал свои выводы. Одна случилась со мной самим. Началась перестройка, появились новые лицеи. Маме показалось, что в лицее будет круто и престижно, она меня туда перевела. И за это платила. Я проучился год, с середины второго

до середины третьего класса. А потом на работе у мамы все стало плохо, она начала вникать, имеет ли смысл платить. Выяснилось, что меня в этом лицее особо и не учили. Меня вернули в мою обычную школу. После возвращения стало понятно, что учителя меня невзлюбили. Встретили меня словами «лицеист Палкин».

Что касается детей, получилось так, что бывший мой класс со мной дружил. А в классе, куда я теперь попал, было три группы. Девочки ко мне отнеслись настороженно, они прислушивались к учителю. Ну и для всего класса я был «лицеист Палкин», чужак с легкой руки учительницы. Среди мальчиков было две команды: группа нормальных парней, похожих на ребят из моего предыдущего класса, и несколько человек отщепенцев. Вот эти последние пытались как-то выделиться. А лучший способ – задираться к новенькому. Они ничего собой не представляли, но им надо было как-то возвыситься. Внешность у меня была такая – маленький, кудрявый и в очках. Сам бог велел таких замухрыжек обижать. Постоянно приставали ко мне, тыкали, мешали учиться, обзывали. Как-то на перемене подошли ко мне двое из них разбираться. А я только начал заниматься айкидо, знал каких-то два приема по заламыванию рук. Я одному из них, пухленькому, руку заломал, а второму сказал: «Отойди, иначе больнее будет». И каждую перемену они ко мне подходили. Я должен был стать для них неким трамплином, с которого они бы выбились в люди. Я продолжал бороться. В итоге они отстали. Все события длились всего неделю. Я смог постоять за себя, травители поняли, что со мной лучше не связываться, потому что ничего у них не получится.

В более старшем возрасте, уже в военном училище, мое положение было другим. В мужском коллективе всегда выстраиваются ранги. Кто-то обязательно должен быть ниже, потому что кому-то должна выпасть доля делать всю грязную работу, разгружать машины или выполнять за других задания. Всегда есть те, кого клюют. Несмотря на свой безобидный вид, я тоже был буллером, правда, не самым активным. Это такое стадное чувство. Помню, был у нас там такой Рома, над которым все издевались. Ты вроде бы ничего плохого к нему не испытываешь. Даже делишься едой, когда тебе что-то родители присылают. В военном училище это очень ценно, все время хочется есть. Но вот его начинают задирать, и ты, как волчара в стае, присоединяешься. Тебя будто затягивает животный инстинкт. Все пинают, и ты пинаешь, не задумываясь. Как-то я даже противогаз в него кинул, голову рассек. Без всякой причины. Стыдно потом было, извинялся. Но сразу ты об этом не думаешь. И я знаю, что далеко не многие рефлексировали. Большинство просто жили по закону джунглей. Стыдно было только единицам. В итоге мальчика заклевали так, что все-таки

отчислили. Лет через десять я его встретил в метро случайно. Я не знал, что мне делать, подойти или нет. В душе был какой-то разрыв.

Еще я был свидетелем трансформации. Был у нас в училище мальчик Дима. Он был сиротой. У него была одна бабушка. Она умерла, и Диму прозвали «Чикатилой», говорили, что он бабушку убил. Издевались мы над ним все четыре года учебы. Помню, как-то на третий год мы стоим в учебном центре. И этому Диме один парень велел пойти и что-то принести. А он ответил: «Не пойду». Мы хором: «Не поняли». Да еще начали нагнетать, подначивать этого своего: «О-о-о, да тебя Чикатило послал». Но Дима уперся: «Не пойду – и все!» Слово за слово – парни сцепились один на один. И Чикатило обидчика завалил, хотя был слабее и меньше. Как-то он смог прыгнуть выше головы. И все! С того момента его зауважали. Практически перестали трогать.

Я считаю, что в такие моменты, когда тебя травят, очень важно найти в себе стержень и дать отпор. Ведь те, кто травит, получают удовольствие, как маньяки, когда жертва начинает убегать, бояться, выплескивать адреналин. Это сносит крышу еще больше. Поэтому и важен стержень, который позволяет обезвреживать буллеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Речь идет об этом документе:

2

Единое национальное тестирование – система оценки знаний выпускников, применяемая в Республике Казахстан.

Купить: https://tellnovel.com/motorina_svetlana/travlya-so-vzroslymi-soglasovano-40-real-nyh-istoriy-shkol-noy-travli

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити